

A stylized, high-contrast illustration of a pea in a pod. The pod is dark and curved, with a single pea inside. The pea is light-colored with a dark, textured surface. A small, dark, cylindrical object, possibly a pea shooter or a small container, is positioned next to the pea. The background is a mottled green and yellow. The text is overlaid on the illustration.

Алексей Мефокиров

Советник царя Гороха

(сборник произведений)

16+

Алексей Владимирович Мефокиров

Советник царя Гороха

(сборник произведений)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42021118

SelfPub; 2019

Аннотация

Сборник произведений Алексея Мефокирова, входящего в творческую группу "Донбасс и ПОСТмодерн". В сборник входят повести "Советник царя Гороха", (представляющая образец скрытой политической сатиры), рассказ "Ветхозаветный детектив" (вольная трактовка одного из описанных в Библии событий), повесть "Хоббит. Ливия 2011. Туда и обратно" (приключенческие фантазии) и другие произведения автора.

Содержание

Советник царя Гороха (постмодернистская сказка)	4
Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	34
Глава 4	44
Глава 5	52
Глава 6	64
Глава 7	77
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Советник царя Гороха (постмодернистская сказка)

На карту поставлено больше, чем одна маленькая страна.
Это большая идея – Новый Мировой Порядок.

Дж.Буш-старший

Глава 1

Суббота. Последняя учебная суббота в этом году. Утренний легкий туман укутал улицы, раздается негромкий разговор дворников, обсуждающих вчерашний матч «Зенита» и «Спартак». С расположенной недалеко товарной станции доносится приглушенный гудок маневрового тепловоза. Пора вставать. Пора...

А может опоздать на первый урок? Тем более, уже все контрольные написаны, а во вторник – последний звонок, потом – долгожданные каникулы. Никита открывает один глаз, потом второй. На кухне гремит посуда – бабушка готовит завтрак.

– Нет, проспать не получится, – сквозь сон подумал Никита. – Бабушка не даст. Все равно отправит в школу, предварительно накормив фирменными оладьями. Э-эх.

Сбросив с себя одеяло, мальчик почувствовал утреннюю прохладу. Форточка возле кровати была полуоткрыта.

– Никитка, иди умываться! И не забудь почистить зубы! – это раздается голос мамы, которая уже стоит одетая и подкрашивает глаза возле зеркала.

Отец и старший брат Коля, радостно отфыркиваясь, предаются утренним водным процедурам.

– Ну вот, еще и умываться. И это в последнюю учебную субботу! – внутренне возмущался Никита. Менее всего ему

сегодня хотелось прожить день так, как и все остальные дни до этого. Ну это же последняя учебная суббота!

Кое-как умывшись для вида и размазав зубную пасту по раковине, Никита сел за стол. И чуть не уснул в ожидании своей порции бабушкиных оладий. Впрочем, и получив эту порцию, он умудрялся немного поспать в перерывах между прожевыванием и глотанием пищи.

Впереди маячила довольно безрадостная перспектива: первый урок – геометрия, второй – русская литература, на которую он вчера так и не смог выучить стих, потом физика, английский язык и алгебра на закуску. Из всего этого списка более-менее терпимой была для Никиты только физика. Все же остальное... Литература – брр... Это же додуматься только, заставлять бедных детишек запоминать эти несносные «Она... была... возми... людьми... шалтай... болтай». Запоминались только окончания строчек, которые рифмовались, все же остальное перепутывалось в словесный клубок. Все слова переплетались так, как переплетаются наушники от мобилки, положенные в карман. Никита ненавидел стихи... и ненавидел поэтов. Во всяком случае, знаменитых, прописанных в школьной программе.

Несмотря на то, что школьную литературу он не любил, некоторые книги все же мог почитать. Всякие там фэнтэзи, Лукьяновские «Дозоры», сказки Белянина. Лучше конечно не почитать, а послушать, благо изобрели аудиокниги.

А вообще, угораздило же его родиться в современном ми-

ре. Родился б когда-нибудь в средневековье, витязи там всякие, походы, татарские набеги – романтика. Одел бы Никита заговоренную кольчугу, взял бы волшебный меч-кладенец и пошел бы биться с врагом-супостатом. Хотя нет, он же не такой дурак, чтобы мечом махать. Пусть богатыри там всякие штатные этим занимаются. А он человек солидный, как говаривали тогда, «грамоте обучен». Попади бы он в то время, живо бы организовал всяким татаро-монголам и прочим поработителям секир-башку за счет своих познаний в современных технологиях. Вооружил бы славянских ратников автоматическими винтовками, посадил на бронетраспортеры: и накося-выкося, Батый и Мамай. Он всегда мечтал о том, чтобы вернуться куда-нибудь прошлое и построив там современную инфраструктуру, в корне изменить всю историю. Картина маслом: едет он с князем Киевским на джипе по Владимирскому тракту, а вокруг крестьяне счастливые пляшут... Нда, вот такие пироги с гвоздями.

А тут, сплошная рутина, куда глазом не кинь. Не жизнь – а учеба. А если б не получилось путешествие во времени, то можно было бы жить в каком-нибудь сказочном мире, где живут настоящие колдуны и злобные драконы, трудолюбивые гномы и коварные лешие, простоватые водяные и добрые рыцари. Там бы он тоже развернул технологическую революцию. Нечего все колдовством решать: тоже мне.

Но, увы, все это лишь мечты. И он жил в современной Электростали, обычном русском городе начала XXI века.

И единственное, что радовало в этом унылой точке пространственно-временного континуума – это компьютер. Более всего на свете, и не будем этого скрывать, Никита любил поиграть в компьютерные игры. Особенно нравились ему всякие стратегии, и военные, и экономические: где орды орков по велению его мышки сходились в смертельном поединке с горсткой отважных темных эльфов, а древнеримские рабочие возводили свои акведуки. Мир, в котором он – высшее божество, диктующее реальность. Да, да, в пятнадцатилетнем возрасте в нем уже вполне зрел этот порок: жажда власти. В реальном мире все управляли им, как самым младшим:

– Никитка, сложи вещи, – кричала с кухни мама;

– Никита, подай-ка пульт от телевизора, – просил отец, усталый после работы на комбинате, приземлялся в плюшевом кресле.

– Никита, не забудь съесть оладьи. Я их тебе завернула в школу. – наставляла бабушка.

– Никита, живо от компьютера! Мне надо курсак писать! – шипел старший брат.

А тут он одевал наушники, врубал почти на всю громкость «Раммштайн» и начиналась совсем другая жизнь. Под рев «Feur Frei!» безропотные легионы, слушая своего правителя, отправлялись на смерть; под завывание «Asche zu Asche, Staub zu Staub» боевые галеры посылали свои снаряды и размолачивали здания беспомощно метавшихся врагов. Он был

здесь если и не Творцом, то, во всяком случае, человеком с правами администратора...

Одев брюки и синюю рубашку с отливом, взяв с собой практически пустой, а потому непривычно легкий портфель, он медленно открыл дверь подъезда и отправился в путь...

Но здесь мы ненадолго оставим нашего героя и отправимся в некоторое царство-государство, у самого синего моря. Царство так и называлось – Некоторое.

В этом царстве жил да был царь Горох. Все сказки в отношении царствующих фамилий делятся на монархически-авторитарные и либерально-демократические. В первых сказочных правителей превозносят как мудрецов и благодетелей, во вторых подают как извращенных тупоумных садистов, по сравнению с которыми граф Влад Дракула – милый шалунишка.

Но мы будем писать про Гороха политически незаангажировано.

Он не был слишком мудр или добр, но и глупцом его нельзя было назвать. Обычный такой себе сказочный царь, с седой бородой, однако, не старый. Средних лет мужчина, вдовец. Временами рассудительный, но слабовольный. Росточку был Горох совсем небольшого, и телосложения хлипкого. Царь как царь.

В тяжелых раздумьях сидел он на серебряном троне с золотыми поручнями и грыз зачерствевший калач. Медленно так грыз, с отрешенным взглядом. Примерно так, как сейчас

курят взрослые после бухгалтерских проверок, но до оглашения их результата.

Повод для депрессивного сгрызания калача у царя действительно был. To tell the truth, тяжкое время настало для Некоторого царства!

Стало оно беднеть и хиреть, да так, что многие уже иноземцы жадно поглядывали на вожаделенные земли, леса и луга. Оно и понятно: это всегда так. Как ослабел хозяин, так тут же, откуда не возьмись, прибегают всякие вертихвостые шакалята и начинают скалить зубы.

И что делать царю-то? Рецептов конечно много. Но все сводится к построению инновационной экономики и оптимизации государственного управления. То бишь, говоря по-людски, надобна наука, дабы народ не бедствовал и государство богатело. Но наука и знания бесплатно не купишь, и без труда не достанешь. Специалисты заморские стоят дорого, а учитывая их заинтересованность в...кхе-кхе...в интересах собственной страны, приглашать их – что самому себе петлю на потолке вязать. «Покупайте, люди добрые, совсем недорого, всякие средства для самоубиения. Простые и с фантазией!».

То-то. Со стороны грамотеев приглашать – что своей жене чужого мужика из соседней деревни приводить для исполнения супружеских обязанностей по взаимной договоренности сторон. Может оно и умно, и цивилизованно, да как-то не так, как надо. Надобно своих умных людей выращивать, как

растят в родной земле лук да репу. Но где же умных сыскать, когда и грамоте-то не каждый обучен, а что ни боярин или государственный муж – то либо олух, либо казнокрад, коих свет не видывал.

– Стража! – закричал царь и топнул ногой. От трона отвалился поручень и с грохотом покатился по полу. – Бляха медная, на поясе носимая! Не, ну ничего делать не умеют. Косорукие! – ворчал себе царь под нос, пытаясь приладить все на место.

– Так точно, царь батюшка! – взял под козырек появившийся витязь Кирило Евсеевич, начальник стражи. – Чего изволишь?

– Думы меня одолевают тяжкие про державу нашу, обидю сердце полнится... Короче, Евсеич. Поганые у нас перспективы, того и гляди, загнется наше Некоторое царство. Ты посмотри только, даже трон – и тот сделать не могут, прохиндеи. Стоило мне ногой топнуть – поручень возьми и отвались. Хорошо, что сейчас... А кабы б при иноземных послах. Вот было бы потехи всей тусовке царско-королевской, вот бы ухахатывались бы они с меня. Да что там с меня! Над народом бы нашим потешались бы...

– Не печалься, царь-батюшка. Авось как-нибудь все и образуется. Может советников тебе покликать, али скоморохов, чтоб отвлекли от дум тяжких шутками да прибаутками, – участливо заговорил Кирило Евсеич.

– Да куда там. У меня советники – те же шуты, а может и

хуже. Только от шуток и ужимок их не смешно уже, а тошно. Тошно, понимаешь. Надуваются важностью, и слова говорят умные, да все без толку. Пузырики говорящие, мать их за ногу! Что и научились за все время – так это из казны деньги тянуть, да с мужика поборы брать за всякую мелочь. Вон Селивана Никифоровича возьми. Сколько я дал ему из казны на дорогу от стольного града Горохова к Лапотному порту? Пятьсот тысяч золотом и серебром столько же! И что, разве построено что? Изба красна у Селивана, поболе моего дворца, да лошади знатные, от купцов заморских куплены. А уж что у него за морем творится, то такое сказывают: целый гарем завел себе, окаянный. И каждой любви своей – по дворцу золотому, да с павлинами и прочей роскошью. А дороги нет, грязь одна. И мужик везде бедствует, хлеб до амбаров довести не может. Так и гниет в полях... И что говорит мужик этот у себя дома, как чарочку-другую опрокинет? Меня, царя, клянет последним словом, изгаляется. И поделом... Ты послушай только! Весь путь веничком промели да пылью выбоины засыпали – и типа на века. Ну что тут сказать! А-я-йя, скверные матерные слова к горлу подкатываются, прямо не стерпеть!!!

– Да, государь, тяжкое дело. А почему же ты, батюшка, не велишь снять башку с негодника, казнокрада Селивана Никифоровича? Ай не заслужил он?

– Кирилушка, милый, еще как заслужил. Да не только не могу казнить негодника, но даже и с поста снять не могу.

Ведь он, подлец такой, с иноземной королевской тусовкой на ноге короткой. Чуть я что, они мне – не смей, право международного не блюдешь. И таких Селиванов – полон двор. Свергнуть грозятся, бунтовщикам золото дают... Горе, истинно горе на земле нашей, Кирилушка, – по лицу царя, по носу-картошке покатались слезы. – Обсели со всех сторон друзья оканные, товарищи-супостаты. Знаешь, как у мужика бывает: что сидят в доме его, поят водкою, а потом, пока пьян, вынесут сии товарищи все имущество, еще и оправятся посреди светлицы. А мужик видит все, сердчает, а подняться не может, ибо водкою всю силушку отняли. Так и с царством нашим.

– А чего ж делать-то нам, как спасти землю нашу. Али не победим бунтовщиков, али супостатам не врежем по зубам...

– Нет, не врежем вот так, с бухты-барахты. Помнишь, как годков эдак пять назад соседушка наш, хан Берендей, вздумал королевской тусовке перечить. Говаривал: не буду более по дешевке добро народное отдавать, цену буду справедливую брать. И казну вывозить за море запрещу, и всякое дело воровское буду пресекать... И что, чем кончил наш соседушка? Сначала товары его брать запретили, потом бунты в селениях возбудили... А далее дорожечка-то протоптана, поди. «Прочь тирана, защитим правое дело, культуру и демократию!» – во всех газетах трубить начинают, глашатаев рассылают. А на завершающем этапе вкатили корабли да

всадников послали: вот и пришел Берендеюшке конец. Камня на камне ж не оставили, а его самого в темнице удавили. И кто удавил – свои же удавили!

– Помню батюшка то дело. Верно говоришь, не оставили от царства Берендеевого камня на камне. Но есть ли у тебя, государь, мысль какая спасительная?

Царь поправил корону на седой голове и тяжело вздохнул. В тишине хоромов отчетливо было слышно, как гудит где-то за окном мохнатый шмель.

– Есть один калика перехожий, Нестором его величают. Так вот, он говаривал, что одна надежда осталась для царства: отрок ученый из Волшебного Мира. Говаривал, что есть где-то Волшебный Мир, населенный мудрецами такими, каких свет наш никогда не видывал. Но попасть в тот Мир непросто, только Нестор знает, как это сделать. Оттуда нужно привести отрока, ведь старцы там такие мудрые, что никто в этом мире не сможет их даже понять. И вот отрок тот, советы его, в нем только и вижу я спасение! – глаза царя устремились куда-то в даль. Было даже непонятно, говорит ли он серьезно, или же просто начал бредить.

Кирило нахмурился и сказал, членя слова.

– Небось-то сказки все! Что умного калики перехожие могут рассказать. Нет никакого Волшебного Мира. Колдуны и ведьмы черные, что порчу наводят да проклинаяют – эти есть, это проверено. Лекари и знахари, что и мертвых поднимают – тоже, наверное, есть. А целого Волшебного Мира... Наде-

жа Государь, сомнительно мне как-то.

– Да и мне сомнительно. А других надежд я и не вижу перед нами. Как говаривал Броневой из фильма контрабандного, что маги показывали «Я не вижу выхода их создавшегося положения»: со всех сторон мы обложены глупостью и подлостью, как медведи умелыми охотниками. Кроме чуда нам и верить не во что: ибо еще немного ослабнем – прозвучит рожок охотничий, и станут нас травить собаками на потеху всему свету. Видел такое чай не раз, Кирилушка.

Стало тихо. В светлицу пробивался сквозь зарешеченное окно мягкий весенний свет. Потом раздалось девичье пение, такое мягкое, без притворства.

– Неужели ж вот так и погибнет все. Не верится. Не хочется верить.

– Нет, все же кликнуть нужно Нестора. Пускай сделает дело свое – все равно у нас не убудет. Евреи наши как говаривают? «Не, ну если и не поможет, то таки не повредит». Пошли-ка, Кирилушка, дорогой, Кострому-гонца к старцу. Он ныне в Ражском лесу, в ските пустынном обитается.

– Будет сделано, надежа-государь.

Глава 2

Нестор услышал лай собак где-то наверху. Поднявшись в своей землянке с глинобитных нар, он начал вслушиваться в окружающие шорохи. Приближались служилые люди. Это было слышно по топоту сапог с железными подбивками. Когда бы шел какой крестьянин, то его лапти лыковые едва бы шуршали. А эти стучат своими подкованными копытами и ржут, словно кони. Га-га да га-га. Понятное дело, дворцовая охрана, преторианцы недоученные: все больше для почета, чем по делу. Слышался приближающийся разговор:

– Да я тебе отвечаю: сосед мой русалку в Неме поймал, так с ней и живет, как с женой.

– А где ж он держит ее, в корыте?

– Почему в корыте. У него огород на Гороховку выходит. Он себе там купальню построил. Чего бы ты думаешь...

– Да построил и построил. С чего про русалку-то молва?

– Так ведь жены у него-то и нету, и в «связях, порочащих его, не замечен». А что не день – то в речку купаться!

– Ну и что. Я по несколько раз купаюсь – жара-то стоит.

– Да. Но бабы рассказывают.

– Тю! Та ты баб больше слухай, салага!

Они подошли к двери и громко постучали в дверь. Старший из них нагнулся к щели в двери.

– Нестор, старец перехожий. Это я, Кострома, царский по-

сланник. Жив ли ты еще!

– Жив я еще, Кострома! Здоров будь... С какой вестью от царя нашего идешь: с милостью али немилостью, – Нестор приоткрыл дверь своей землянки и отвечивал, щурясь на яркое солнце.

– И тебе не хворать... А то, старец многомудрый, тебе лучше знать: милость я тебе принес, али дар пагубный. Сам ты царя испрашивал, небось тебе и более меня ведомо. Но только скажу, что велено мне: разрешает царь-батюшка отправляться тебе в дорогу за отроком разумным... – Кострома почесал кучерявый затылок и слегка шмыгнул носом. Двойная кольчуга на нем тускло поблескивала, а из-под нее виднелась красная, уже немного застиранная рубаха. Стоявшие за Костромой витязи смотрели на старца с интересом, но сохраняли молчание.

– Ну что ж, витязи, слуги государевы. Ступайте с миром. А царское веление я исполню в точности. Многая лета государю-батюшке!

– Многая лета! – отрывисто подхватили витязи и неспешно пошли обратно. И тут молчания как не бывало. Вновь начался разговор:

– А я слыхал, что мой сослуживец с самым лучшим в карте играл. Ну прямо как с мы с тобой намердн.

– Брехня!

– Да не брехня! Правду говорит. Я вот тоже пойду с лучшим играть, уж больно хочется Охотничье Счастье выиграть.

Слыхал о таком. Камешек такой, а потрешь его – и всякая дичина к тебе сдаваться идет с поднятыми лапами.

Разговор и смешки потихоньку удалялись.

Нестор вернулся к себе в землянку, причесал серебряную бороду. Достав кремень, высек искру и зажег лампадку. Истово помолился на покрытый копотью образ, после чего стал посередине землянки и совершил рукой какой-то замысловатый жест. Внезапно все пространство вокруг наполнилось холодный бело-голубым свечением. Через несколько мгновений из двери землянки вылетел громадный пылающий шар, который, будь это ночь, был бы виден и за морем.. Потом шар схлопнулся и исчез. Нестор вышел из землянки, все лицо его было в копоту, а в бороде имелась солидная подпалина.

– Ну что же, посланник, приведи нам спасение! – старец медленно перекрестился и побрел, хромая, в лес.

И вновь из Некоторого царства перенесемся в город Электросталь, год две тысячи седьмой от Рождества Христова. В это время Никита, все еще сонный, шел по направлению к школе.

Можно было пойти через оживленную улицу, возле «Макдональдса», а можно было пойти через парк. Дорога через парк казалась привлекательнее; раскидистые старые липы замерли в утренней дымке, пахла запоздавшая в этом году сирень.

Внезапно в небе появился светящийся шар, размером с

апельсин. Он дымился и переливался, словно мыльный пузырь, раскаленный до температуры начинающегося ядерного синтеза. Если вы сможете представить мыльный пузырь, доведенный до такой температуры, то именно так все и выглядело. Шар медленно проплыл над головой Никиты, и того охватил ни с чем ни сравнимый ужас. Что это? НЛО? Шаровая молния?

Бросив портфель, он со всех ног бросился бежать. Но шар не отставал от него, будто желая настигнуть и сжечь. Казалось бы, улица должна быть полна прохожих, ведь сейчас начало рабочего дня. Или выходного, для тех у кого пятидневка. Но все вокруг совершенно опустело. Он бежал и бежал, покрываясь холодной испариной. А шар преследовал его, не давая передохнуть.

Никита перестал узнавать родной город. Парк, с детства ему знакомый, в какой-то момент стал совершенно иным. Вместо асфальтовой дорожки почему-то неведомо куда тянулась грунтовка, покрытая непонятными следами, а вместо лип и каштанов, стройных тополей мальчика стали окружать вековые дубы и буки. Никита пытался найти убежище, в котором он мог бы спрятаться от пылающего преследователя, но тщетно.

Внезапно шар исчез. Никита упал на землю и попытался отдышаться. Пахло вокруг совершенно не так, как ему было привычно: не было даже намека на городскую пыль или бензиновую гарь. Оглянувшись, мальчик увидел вокруг себя

незнакомый «кондовый» лес, пересекаемый широким грунтовым трактом.

От произошедшей перемены стало еще страшнее. Сердце билось в груди, готовое, казалось, разорваться. В висках бухали тяжелые молоты, а глаза застилала красноватая дымка.

На обочине дороги, как будто ниоткуда, появилась фигура старика в чудном одеянии. Старик смотрел на мальчика, улыбаясь немного с лукавинкой, но по-доброму.

– Чай заблудился, мил человек?

Никита ничего не ответил. Он даже не расслышал толком вопрос, а смотрел на старика, словно в забытии.

Нестор сразу понял, прежде всего по необычной одежде, что перед ним именно тот, кого он ждал. Вот уже второй день он дневал и ночевал в этой лесной глуши, чтобы не пропустить гостя из Волшебного мира. Теперь перед ним стоял худощавый паренек, выше среднего роста, с растерянными карими глазами. Немного сутулый, но в общем-то крепкий.

– Эй, парень, ты часом не глухой? Я спрашиваю, чай ты не заблудился? Вроде как не из наших мест.

Превозмогая дрожь, Никита ответил:

– Да, дедушка, заблудился. Совсем не узнаю, куда попал. А где я? Это Электросталь?

– Электросталь? Дивное название... Не слыхивал никогда о таком, хотя и много дорог исходил. А тебя часом не молния ли шаровая пригнала?

– Да, дедушка, – удивился Никита. – А откуда вы знаете?

Старик внезапно чему-то сильно обрадовался, чуть не захлопав в ладоши.

– Милок, так значит ты из Волшебного Мира. Как же мы все тебя здесь ждали!

– Дедушка, вы, неверное, обознались. Ни из какого я не Волшебного Мира. Я Никита Орлов, ученик девятого класса школы №34, города Электростали. И я просто заблудился...

Старик несколько насторожился.

– То есть как это? Не из Волшебного Мира, населенного мудрецами и кудесниками?

– Ну уж насчет мудрецов и кудесников, так у нас на них вообще дефицит. Едва концы с концами сводим.

Старик смотрел ошеломленными глазами.

– Обожди, обожди... Но ведь молния-посланец должна была привести мудрого отрока из Волшебного Мира. Так сказано в пророчествах. Один раз на триста с лишним лет, когда Солнце соединяется со своей тенью, можно послать молнию, и она приведет спасение.

– Так это вы молнии тут организуете. И они устраивают нечто вроде... дыр в пространстве. Я когда-то фильм такой смотрел: вроде параллельных миров. «Звездные врата» или что-то в этом роде... – Никита несколько приободрился. Но тут до него вдруг дошел смысл слов старца. – Триста с лишним лет? Триста с лишним лет? Это что, чтобы меня вернуть домой нужно триста с лишним лет?

Повисло тягостное молчание. Никита уперся отрешенным

взглядом в ствол дерева.

– Так ты все же не из Волшебного Мира? – с какой-то обреченностью вновь переспросил Нестор.

Никита ничего не ответил. Ему хотелось кричать и плакать, но он не мог; им овладела жуткая слабость. Сейчас бы упасть на землю, заснуть, а потом проснуться в своей постели, и осознать, что все это лишь сон. Но нет, все происходило на самом деле.

Нестор чувствовал почти тоже самое. Он ошибался. И все ошибались. Молния отправилась совершенно не туда, и привела совершенно не того. То ли слишком рано он отправил ее, то ли опоздал.

– Ну что ж, Никита Орлов, ученик девятого класса. Пойдем, все же, – Нестор взял мальчика под руку и повел с собой.

Они подошли к старой рубленной избе, потемневшей от времени и дождей. Над входом висел череп козла с длинными рогами. Не дойдя шагов двух до избы, Нестор остановился и закричал:

– Эгегей, хозяйка! Открывай, будь милостива!

Из избы послышался звон посуды, двери со скрипом отворились. На пороге стояла женщина средних лет, в белом платке, из-под которого выбивались рыжие волосы. На ней была вышитая блуза, а сверху – безрукавка мехом внутрь.

– Чего кричишь, старец Нестор? Кого привел ко мне?

– Мальчишку я привел к тебе, что вместо мудрого отрока

молния привела. Отпоить его нужно от испуга и отчаяния.

– Что же, Нестор, не получилось что у тебя?

– Как видишь, Сычиха, что-то не сработало. Нет связи с Волшебным Миром, оператор отключил за неуплату. Принесла молния Бог знает кого.

– Что же ты царю-то скажешь, а? Он, болезный, много надежд на тебя полагал?

– Будет день, будет пища. А ты все же отпой мальчишку от испуга и кручины.

Никиту посадили на полати. Сычиха достала большой медный котел, поставила его на треножник и развела под ним огонь прямо на земляному полу избы. Дым уходил через отверстие в крыше. Комната наполнилась пьянящим чадом, от которого кружилась голова и невыносимо хотелось спать.

Сняв висящие на деревянной балке пучки разных трав, Сычиха принялась бросать их в котел, предваряя это произнесением каких-то заклинаний и заговоров. После всего она налила варево в небольшой горшочек и поднесла Никите.

– Возьми, испей, болезный...

– Что это?

– Сон-травы, кручину снимающая... Пей, пей, не бойся.

Никита принялся к содержимому горшочка. Приятно пахло какими-то пряностями. Он медленно отхлебнул, потом еще. Варево было довольно вкусным, и напоминало какой-то диковинный кофе с корицей. На душе стало так спокойно и легко, тело медленно окутывала мягкая дремота...

Никита уснул, и ему снилась школа, последний звонок и Денис Петрович, завуч по воспитательной работе, который почему-то был одет в рыцарские доспехи.

Сквозь сон Никита слышал разливанное пение петуха. Он открыл глаза и ... Нда, он в старой избе, лежит на полатях. А по избе ходит боевитого вида, холеный черный петух. Захлопотав крыльями, он закукарекал еще громче прежнего.

Заскрипела дверь и в избу вошла Сычиха.

– Ну что, Никита Орлович, чай проснулся?

– Не понял. Какой чай?

– Чай? Ты чай проснулся, болезный?

– Спасибо, проснулся. Голова только трещит немного.

Никита попробовал подняться и ощутил, что каждая косточка его ноет. Ему никогда прежде не приходилось спать на голых досках. Да и не доски, а настоящий горбыль, едва не сучки из него торчат.

– Ой-ей.

– Что, не привык на жестком спать?

– Если честно, не привык. Дома у меня матрас ортопедический.

Сычиха удивленно подняла брови.

– Артапедическа матраца? Что же то за лежанка невиданная такая?

– Ну, это так сразу и не объяснишь. Но удобно очень.

Дверь со скрипом открылась и в избу вошел Нестор.

– Здоров будь, отрок! Добро ли спалось?

– Здравствуйте, дедушка.

Старец устало присел на лавку. Внимательно посмотрел на мальчика.

– Надо бы накормить мальчика, а, Сычиха? Каши ему насыпь!

– Да насыплю, насыплю. А что дальше с ним делать будешь?

– К царю на завтра приведу – а там как Бог решит. Либо казнит нас царь-батюшка, либо в шелка оденет.

– Дедушка Нестор! – Никита растерялся, слушая речь старца, – Дедушка Нестор! А может вы меня домой отправите? Может есть какой способ?

– Может и есть, Никита. Да только мне он неведом. И не знаю я никого, кто смог бы тебе помочь. А нам придется за дело браться.

Никита широко распахнул глаза и даже приоткрыл рот от удивления.

– А какое дело?

– Мы ведь думали, что ты придешь из Волшебного Мира. Что снизойдет к нам мудрый отрок, что советом своим да словом дельным спасет народ и отечество во время тяжкое. А так как никакого другого отрока нет, придется тебе на себя эту ношу взвалить. Ведь царь-то, отчаявшись, снимет с нас обоих головы.

– Это что же получается, мне надо стать царским советником? Так, что ли?

– Ну да, Никита, вот и дело твое. Нелегко будет. Да ты поешь вначале.

Как там поет бывший кумир родителей Никиты Антонов : «Мечты сбываются, и не сбываются, они приходят к нам порой не т –а-ам». Вот что не там, так точно не там.

На столе уже дымилась горячая гречневая каша в чугушке, зажаренная луком и грибами. Аромат у нее был более чем аппетитным. Нестор вручил Никите большую деревянную ложку и пригласил к столу.

– Трапезничай.

– Дедушка Нестор. Расскажите мне пожалуйста, в чем же дело. Почему говорите о тяжких временах? И вообще, где я? Что здесь происходит?

– Ты ешь, Никита, ешь. Сегодня до вечера буду я тебе обо всем рассказывать, что тебе знать должно. Ты слушай меня, старика, внимательно, не перебивай, да на ус мотай.

– Хорошо дедушка. – Никита начал у аппетитом уминать кашу. То ли воздух здесь особый, то ли что иное, но никогда прежде Никита не чувствовал такого зверского голода. И никогда прежде каша не казалась ему такой восхитительно вкусной.

Нестор тоже молча съел свою порцию, вытер ложку и неторопливо молвил:

– Попал ты, Никита, голубчик, в царство царя Гороха, сына Кондратия, от Василия Мстителя род свой ведущего. Царь у нас добр и мягок, лишнюю кровь не льёт, в отличие

от его прародителей. Вот те лютовали, упаси Бог! Чуть что не так – голова с плеч бряк. Да еще и не просто так, а с пыткой какой диковинной! Бррр! Ну да ладно, отвлекся я, старый хрыч. Но помни: он все же царь, ему другим обиды да оскорбления, особенно черному люду, спускать нельзя. Бояре царя нашего обсели – этих надо более всего опасаться. Коварны и жестоки, да и душу свою давно иноземным владыкам продали. Из всех бояр и служилых людей одному Кирилле Евсеичу, воеводе нашему, можно верить. Но и с ним ухо остро – как осерчает, то пощады не жди. Всюду достанут ратники его: ни в болоте не укроешься, ни за морем.

– Дедушка Нестор. А о самом царстве что можешь рассказать? Ну, там, территория, население, природные ресурсы?

– Царство Данилино раскинулось с севера на юг на десять дней пешего пути, да и с запада на восток хороший ходок будет идти с неделю. Народу на земле этой много; мужиков, что подсчитаны, где-то тысяч триста наберется. Баб же и ребят и не считал никто и никогда. Да и чего их считать-то? К северу от нас плещется море Студеное, на нем два града стоит: Лапотный Порт и Весь. Стольный град наш, Горохов, стоит на реке Гороховке, что в Нему несет воды свои, а та уже – в Студеное Море. С востока с нами было ханство Берендеево, да теперь, как разбили Берендея, хозяйничают там заморцы. Далее на восток Дикая Орда. С западу вестфриды, такроманы и горыняне, все под пятой заморцев. На юге же саркабы.

– А кто такие заморцы? И где их страна?

– Ясное дело, за морем их страна. Если морем идти, сначала месяца полтора на запад плыть при попутном ветре, а там к югу еще дней пятнадцать, там и будет страна заморцев, самая мощная держава во всем мире. Нет никого, кто бы не слушал их.

– А есть какая-нибудь карта, где было бы все нарисовано?

– Карта? Не знаю такого. Это что, рисунок земель?

– Ну да. Без нее ж как ориентироваться. Только по устным рассказам? Вот, например, что у нас на границе с саркабами, есть ли какие города.

В глазах Нестора появился огонек приятного удивления. Он посмотрел на Никиту и улыбнулся.

– Да ты, Никитка, мыслишь разумно. Ты, чай, все меня, старика, испытывал. Ты ведь из Волшебного Мира, иначе и быть не может. Здравое судишь, не по годам.

Никита от услышанное похвалы залился краской.

– Ну что вы, дедушка. Я же уже повторял – я из простой средней школы, ученик 9-Б класса. И даже не отличник, а так, хорошист.

И тут Никита залился краской еще сильнее. Дело в том, что в этом полугодии он схлопотал целых три тройки: по русскому языку, по английскому и по музыке. Уроки музыки он вообще очень не любил, у него не было ни голоса, ни слуха; но учительнице музыки Раисе Захаровне просто казалось, что он не старается. И в результате с завидной регу-

лярностью по этому предмету он получал в табель жирную, уродливую тройку.

– Непосредственно на границе с саркабами у нас стоит Мытный городище, в двух днях пешего хода от него – Барановец, а когда еще немного в сторону пройти, то будет город Красов.

– А вы все в днях пешего перехода меряете?

– Да, а как иначе.

– Нда, а карту составить вам конечно было бы нужно. Хотя это и не простая работа.

– А ты, Никитка, сможешь делу тому научить. Ты не бойся, в царстве нашем народ смышленный.

– Попытаюсь, хотя дело это действительно не простое. Надо знать и геометрию, и географию... Но это позже. А компас у вас уже изобретен?

– Не слыхал никогда о таком? А что это – компас?

– А приборчик такой, что всегда на север показывает. А хотя-бы магниты у вас находили? Ну камешки такие, что к железу притягиваются.

– Любящий камень? Да, этого у нас достаточно. Из копеек возле Лапотного порта достают его, на потеху честному народу. Говорят, что он в деле сердечном помочь может. На любом базаре купчишки его продают девкам да бабам.

– О, это уже хорошая новость. Довольно полезный минерал.

– И что же в нем полезного: так, забава для детишек, да

бабам и девкам обманка. Они, болезные, верят, что этим камешком можно притянуть пригожего женишка. Но ведь брехня это все, суеверие.

– Это конечно ерунда, суеверие. Но в остальном вы, девушка, того... заблуждаетесь. Из него и компас можно сделать, и много чего полезного. Да что там: это крутая штукенция, можно такие в вашем царстве дела развернуть... А реки у вас есть?

– Конечно. Почитай всяк город на реке стоит. Стольный град Горохов стоит на Гороховке, а та впадает в Нему, на которой уже стоит Лапотный Порт. Нема – река весьма многоводная, идет к нам от самых саркабов на юге, с гор Ашканаза. И проходит Нема возле Красова, далее к Громобору и на самый Лапотный Порт.

Барановец стоит на притоке Немы Романце. А Мытный Городище – на озере Каркалай, от него до Немы полдня пешего пути.

– А что вы выращиваете?

– Да как и все: гречиху, рожь, ячмень. Поля вокруг реки Гороховки славятся своим горохом да капустою. В лесах собирают дикий мед, растят лен да пеньку, чтобы ткать одежду. С саркабами обмениваем лен и зерно на шерсть и шелка, и баранину от саркабов возим. В Студеном море множество рыбы.

– Понятно, а где мы находимся непосредственно сейчас? В смысле, возле какого города?

– Сейчас гостим в деревне Митино, рукой подать до стольного Горохова. Завтра-послезавтра явимся к царю.

– А можно прежде посмотреть на Горохов. Что он представляет из себя.

– Можно. Только одежду я тебе принесу простую, нашенскую. Не нужно тебе взоры притягивать: вокруг полно соглядатаев иноземных.

Нестор поднял и вышел. Вернулся он примерно через час и принес с собой какую-то грубую рубаху, полотняные серые штаны, лапти лыковые.

– Переоденься, Никитка. Да пойдем с тобою, прогуляемся по Горохову.

Одежда была довольно грубая и непривычная, кроме того, не совсем по размеру. Одев ее, Никита чувствовал себя ожившим огородным пугалом. Нестор внимательно осмотрел мальчика и остался вполне доволен:

– Ну что ж, совсем нашенский. Крестьянский сын. Такой внимания привлекать не будет. Пойдем же, неспешно.

Они вышли. Идти в лаптях было очень непривычно, казалось, к ногам прицепили корзинки. Заявление Нестора о «рукой подать» было явной метафорой. Идти пришлось часа два с половиной по грунтовой каменистой дороге, вокруг тянулся бесконечный мрачный лес, которому не было конца и края. Когда Никита совершенно уже выбился из сил, показались блестящие на солнце купола церквей, каменные и деревянные дома. Вокруг города высился каменный вал, высо-

той в три-четыре человеческих роста. На дороге показались прохожие.

Тут мальчик обратил внимание на то, что здешние жители высоким ростом не отличаются. Когда Никита впервые увидел Нестора, а затем Сычиху, он не удивился – они были относительно невысокого роста, пониже его, пятнадцатилетнего, на полторы головы, но такое бывало и в его мире. Но теперь он обратил внимание, что Сычиха и Нестор были среди других даже чуть выше среднего. А в среднем рост жителей этого мира составлял не более чем метр пятьдесят – метр шестьдесят. Со своими метр семьдесят два с половиной он выглядел намного больше и старше, нежели это было на самом деле.

К городским воротам двигалась вереница повозок, груженная всяким товаром: рыба, зерно, яблоки. В повозки были запряжены худые и замученные лошади, а от несмазанных колес раздавался противный скрип. Сюда же шел пешком всякий люд: монахи в черных клобуках и котомками за спиной, крестьяне в полотняных одеждах, торговцы, обвешанные корзинами.

– Вот он, стольный град Горохов! Силища! – промолвил Нестор, остановившись.

На Никиту особого впечатления город Горохов не произвел. Городской вал казался совсем невысоким и уже порядочно обветшалым. Узкие улочки между преимущественно бревенчатыми домами представляли собой всю ту же глини-

стую грунтовку, что и путь до деревни Митино. Людей было довольно много; они все были одеты так, как в мире Никиты одевались бомжи, все было заношенное и блеклое, единственно, что несколько чище чем у бездомных.

От городских ворот они прошли немного и оказались на торговой площади. Здесь толчея была невероятная. Хриплым голосом кричали зазывалы, торговцы и ремесленники нараспев расхваливали свой товар:

«Эгей, мил человек, подходи, посмотри,

Зерна на рубль меры три,

А к нему в придачу,

Пряник на удачу».

Чуть поодаль раздавался голос мыловара:

«Не проходи –ка мимо,

Возьми золы да мыла».

Пасечники в своем ряду зазывали покупателей:

«Ай медок-то у меня,

Отблеск как у янтаря,

Сладок словно райский плод,

У архангельских ворот».

Сапожники, кожевники, кузнецы, крестьяне, ткачи, купцы торговались между собой, спорили, громко били по рукам. Людской гул напоминал жужжание растревоженного улья. На подмостях выступали скоморохи, кувыркаясь и потрясая какими-то погремушками.

Глава 3

Царь принимал сегодня иностранных посланцев. Аудиенции ждали иноземные дипломаты, купцы. Первым царь принял у себя Герхарда Тусса, посла вестфридского.

– О Великий царь Данила, Владелец земель от Студеного моря до Саркабской пустоши, – напыщенно и витиевато начал свою речь Герхард Тусс. – Позволь мне, царь, зачитать тебе ноту моего Величайшего Государя Вестфридии, Карла Тридцатого Мышиный Хвостик.

– Милостиво позволяю, – царь со скучающим видом подпер щеку.

Иноземец начал зачитывать послание, все более переходя на речь с жутким вестфридским акцентом. Чтобы читателям было понятнее, что это за акцент, скажем, что более всего он похож на то, как говаривают на русском коренные прибалтийцы: латыши и эстонцы. Причем те из них, которые презирают, по своему обыкновению, все русское.

От напряжения его лоб покрылся испариной, а глаза опасно бежали, то опускаясь, то вновь поднимаясь на царя.

«Я, Величайший Повелитель и Государь Вестфридии, Карл Тридцатый Мышиный Хвостик обращаюсь к тебе, царь Данила, дабы не было между нами разногласий и распрей, и все вопросы, имеющиеся перед нами, мы решали как добрые соседи.

Являясь Величайшим Повелителем и Государем Вестфридии и одновременно Главою комитета по развитию и расширению Истинной Культуры, я напоминаю тебе о том, что вами взяты обязательства поддерживать эту организацию. Поэтому прошу вас в кратчайший срок предоставить в распоряжение комитета:

1)

Зерна ржаного и пшеничного в равных соотношениях – не менее 800 000 бушелей. Отгрузку произвести не позднее августа сего года на корабли нашей державы.

2)

Золота на сумму 1000 золотых гульденов, можно в вашей валюте по курсу, установленному Казначейством Вестфридии на момент оплаты.

3)

Людей работных, знающих мастерство каменной кладки и мощения дорожного – не менее 500 человек, на срок не менее 5 лет.

4)

Женщин, молодых и здоровых, красивых лицом и хорошо сложенных – для выполнения прачечной службы. Не менее 1000 человек.

Сроки выполнения обязательств – август – октябрь сего года».

Царь стал совсем грустным. Сидя на троне, он принялся задумчиво пощипывать бородку.

– Так что же, царь, ответишь ты государю моему.

– Что ж, уважаемый Герхард. Не первый раз ты уже у нас, сам знаешь, что люди мы бедные, темные. Передай своему государю, что от обязательств мы не отказываемся, но размеры взносов считаем существенно завышенными и не соответствующими нашим скромным возможностям. Зерно мы пошлем, но вполовину менее затребованного, злата у нас в вольном обороте нет, и посему просим перенести плату на следующий год. С тем ступай, и передай мое почтение Карлу Тридцатому.

– Царь, а как же насчет людей: работных и женщин.

– Э, да с каменщиками у нас вовсе дело слабо поставлено. Коли наберем человек сто, да и то почитай старики одни. А с женщинами... Приходи-ка, Герхард, денька через два, о том и потолкуем.

Посла с почестями выпроводили из зала для аудиенций.

Зашли саркабские послы с толмачом. Они хотели договориться о пропуске через Мытное городище каравана с шерстяными тканями.

– Ну что, товарищи купцы. Большой ли караван хотите пропустить?

Вперед вышел нанятый ими толмач. Он повторил вопрос на саркабском наречии. Купцы оживились.

– Большой караван. Двести верблюдов с шерстяными тканями.

– И куда везем ткани?

– В Лапотный порт, а далее в страну заморцев.

– Сколько дадут за пропуск?

– Заморский золотой гульден за каждые десять верблюдов.

Царь задумался.

– Два гульдена за десять верблюдов.

Купцы замялись.

– Гульден за десять верблюдов, иначе они повезут ткань через бывшее Берендеево царство.

– Ну, это они погорячились. Через бывшее Берендеево ханство они ничего не довезут: там такие беспорядки, что не дай Бог. Одни заморцы только и проводят свои караваны, да и то воинов своих посылают более, нежели верблюдов. Ну ладно, гульден за десять верблюдов и товар с каждого седьмого верблюда они продают нам по сносной цене.

– Почему предлагает царь купить ткани?

– Продавайте по семь наших копеек за локоть, это будет справедливо.

Купцы переглянулись и согласно закивали головами.

Потом были еще бесчисленные посланники и купцы, и всякие иноземцы, которые имели свое дело к царю Гороху.

Последним зашел посол заморцев Мэтью Ваккони.

– Прекрасно выглядите, царь. Как ваши дела?

– Прекрасно, спасибо. А ваши? – процедил сквозь зубы царь, блистая, как и его гость, широкой улыбкой-оскалом.

– У вас отличный стоматолог, царь! Вы ему не зря платите.

– Спасибо. Это у меня от природы такие крепкие зубы.

– О, ваше счастье. Вы знаете, наши стоматологи ломают невиданные суммы. – Мэтью деланно засмеялся над своей же шуточкой.

«Ну что за манеры такие у этих заморцев!» – думал про себя царя, продолжая ослепительно улыбаться.

– Я вот решил вас навестить по одному скользкому вопросу. Ну, наверное, вы уже догадались в чем дело, не так ли, царь?

– За долгами явились?

– Ну что вы, вы же нас знаете. Мы все понимаем: тяжелое положение, экономический спад и все такое прочее. Мы предлагаем всего лишь рефинансировать ваши денежные заимствования.

– Извините, посол, – царь продолжал неистово растягивать губы. – В чем именно состоит ваше предложение.

– Мы предлагаем вам выдать новый кредит под более мягкие условия, чтобы он покрыл ваши старые долги. Почти никакого процента, так, только для компенсации инфляции...

– Господин Ваккони, это заманчивое предложение. Но какие дополнительные условия вы предлагаете?

– Да ну что вы, сущие пустяки. Все в рамках международной законности, вы же нас знаете. Просто вы позволяете нам разместить часть наших войск на юго-востоке вашей замечательной страны. Вы же понимаете, для нас очень важно противостоять угрозе мятежников, что еще бесчинствуют в

многострадальной земле бывшего диктатора Берендея.

– Хорошо, господин Ваккони. Какой контингент вами предполагается разместить.

– Это предположительно будут две крепости, поблизости вашего города Барановца. В них небольшой гарнизон лучников, не более десяти тысяч, и конных тысяч пятнадцать. Мы предлагаем вам так же воспользоваться услугами нашей армии в обороне от мятежников, бродящих возле ваших восточных окраин. Это вам обойдется совсем недорого: и вы сможете жить спокойно, и сократить ваши военные расходы.

– Конечно же, мы подумаем над вашими словами. А насчет крепостей – кто же может противиться предложению, сделанным с вашей стороны, – Горох сделала ударение на «с вашей стороны». Ваккони поднял глаза и пристально посмотрел на Гороха, потом улыбнулся.

– Вы отличный правитель, царь. Я рад нашему взаимопониманию.

Закончив многочасовую аудиенцию, царь встал с трона и направился в трапезную. На ходу бросил секретарю, монаху Илизару, ведущему записи:

– Илизар, пригласи-ка, дружок, ко мне воеводу нашего Кириллу Евсеича! Поговорить мне с ним надо с глазу на глаз.

В трапезной было накрыт довольно скромный по царским меркам стол. Сев за стол, царь Горох обхватил голову руками. В голове шумело от усталости.

Дверь открылась и в трапезную вошел Кирилло Евсеич.

– Садись, воевода, напротив меня. Надобно мне с тобою пошептаться.

Кирилло Евсеич с грохотом отодвинул тяжелый дубовый стул, и мягко уселся на него. Стул слегка крякнул под тяжестью его богатырского тела.

– Слушаю тебя, государь-батюшка.

– Заморцам сегодня дал разрешение разместить подле Барановца две своих крепости с гарнизонами.

Глаза Кириллы Евсеича удивленно расширились. В ответ царь скорбно закивал головой и продолжил:

– Десять тысяч лучников да пятнадцать тысяч всадников. Да-да, радость небольшая, а точнее полный три четырнадцать пятнадцать, сам понимаешь. И думается мне, что нужно нам в том районе ждать нападения со стороны так называемых мятежников, а точнее полевых командиров, которых развелось немало на бывшей Берендеевой земле. Так что, воевода, нужно придумать что-нибудь в этой стороне. Усиль гарнизон Барановца чем сможешь, да и людей пошли туда таких, что в военном деле опыт имеют. А рекрутов новых убери на ...

– На центральное направление... – подхватил Кирило Евсеич.

– Все равно, главное на... чтоб не путались под ногами. Незачем пацанву губить понапрасну.

– А может, государь, погорячился ты с разрешением. Зачем же мы пускаем себе под мягко пузо волков?

– Твоя правда, конечно. Да только когда б не согласились – что им стоит устроить здесь повторение Берендеевского сценария?

– Так ведь, царь-батюшка, может тот сценарий они уже разворачиваю. А это всего лишь прелюдия, подготовка плацдарма, чтоб сожрать нас со всеми потрошками. – Кирило Евсеич каждое свое слово сопровождал не сильным, но доказательным ударом кулака по дубовой полированной столешнице.

– Ты воевода того... Не горячись... Царь я, али не царь... – глаза Гороха мелькнули секундным гневом. Потом он опустил голову и продолжил, будто жалуясь:

– Ой, не знаю, может и ошибочно я поступил. Да что уж теперь? Кстати, и вестфридец наш тоже зубки показал: дань требует. Естественно, для общих нужд с заморцами. Как обычно.

– И велика дань?

– Солидно. Почти миллион пудов зерна ржаного и пшеничного поровну к августу месяцу, пятьсот каменщиков на пять лет да тысячу баб пригожих, ясно для чего.

– Трудное дело. Совсем трудное, – вздохнул Кирило Евсеич.

– Вестфридцам добро было б дать по зубам, да и войско у них не такое уж и сильное. Хоть и вооружено добротнo, да малочисленно и без опыта. Одна беда: за вестфридцев сразу станут горой заморцы. А с ними воевать – дело дрянь.

Кирило Евсеич сокрушенно покачал головой:

– Истинно говоришь, надежа-государь. Воевать с заморцами – дрянь-дело. Вон пятую армию Берендея, такое соединение, как вся наша рать по всем землям, в четыре дня окружили и перебили. Но миллион пудов зерна. С таким подходом не миновать голода. Это ж почти на сорок пять тысяч человек годовой паек. Взбунтуется народ, государе.

– Ну мы миллион и не дадим. Будем как-нибудь выкручиваться. А насчет пятой берендеевой армии, так сами виноваты – чего ждали, пока им все снабжение перережут. Что такое армия без снабжения? Что конь без еды: первый день седока несет, второй – едва себя тянет, а на третий ложится и подыхает. Вот за четыре дня его и одолели. Скажи-ка, Кирило Евсеич, а сколько нынче мы войско выставить можем?

– Да немного, царь-батюшка. Войско ведь кормить нужно, а у нас недороды. Да и на вооружение денег нет. На одного воина сколько нужно крестьян да работных людей, чтобы всем снабдить нужным: и оружием, и едою, и фуражом. А с нас во всякие Международные фонды взаимопомощи все время столько стягивают, что едва мужик-землепашец сам кормится да жене с детишками крошки оставляет. Куда же нам еще солдат прокормить, да коней.

Перед глазами царя встали картины тяжелого голода, который пережили селения на востоке царства в прошлом году. Он вместе с Особой комиссией поехал тогда выяснять положение дел, и застал пустые дома и валяющиеся на ули-

цах трупы истощенных людей, обглоданные кости лошадей с выпирающими ребрами. И только черные вороны чувствовали себя вполне достойно среди страшного ландшафта. Докладывали о случаях каннибализма, когда обезумевшие от голода люди сжирали собственных детей. Царь горько вздохнул.

– Согласен, нельзя нам сейчас воевать. Вот бляха медная, на пояс носимая! Но что же делать будем? Кстати, а как там наш Нестор со своим мудрым отроком?

– Да не показывался еще. Но говаривали, что будто бы где-то в Митино он сейчас. Подождем денька три, и наведаемся, если сам не придет. Да только не верю я в то дело.

Глава 4

От базарной суеты у Никиты кружилась голова. Более всего в этот момент ему хотелось вырваться на какой-нибудь такой простор, где бы не было этой бесконечной вереницы людских лиц, одежд, рук.

– Дедушка Нестор, дедушка Нестор. Пойдем к реке!

Нестор обернулся, взял Никиту за руку и сказал:

– К реке – так к реке. Держись крепче, как бы не потерялся в толпе.

Они шли и шли через толпу. И наконец, за одним из домов заблестала водная гладь. Воздух стал свежим и приятным, от реки веяло прохладцей.

Присев на камень, старец и мальчик облегченно вздохнули.

– Ну и толчея.– молвил Нестор. – Даже у меня, привычного, голова закружилась.

– А где здесь пристань? – мальчик начал внимательно рассматривать берега.

– Так вот же она! – Нестор показал пальцем на отдаленное строение.

Если по-хорошему, то эта пристань напоминала небольшую лодочную станцию. В реку уходили скромные деревянные мосточки. – А вон видишь, и баржу из Лапотного Порта ведут!

По берегу двигалась группа оборванных, грязных людей, которые тянули на длинной веревке несуразную деревянную посудину, доверху нагруженную всяким товаром.

– Это что, вот так вот у вас баржи и ходят?

– А то как же, бурлаки ее тянут. В барже поди пудов тысячи две будет. Иначе ее и не проведешь.

– Нда, эту проблему надо будет в первую очередь решать. Так далеко не уедешь. Транспорт – он основа всего. Вам надо будет какой-нибудь, к примеру, паровой буксир сделать, что ли.

Когда баржа подошла к пристани, ее привязали с деревянной тумбе, положили мостки и начали разгружать. С десятков людей, словно муравьи, бросились на баржу и начали тащить разные корзины, мешки, свитки.

Когда Никита смотрел на баржу, которую тянули бурлаки, ему вспомнилось, как совсем недавно он мастерил игрушечный пароходик. Родители на весенние каникулы отправили его погостить у бабушки, а сами уехали отдыхать в Египет. Решили себе устроить романтический медовый месяц на двадцатую годовщину свадьбы, естественно, что его присутствие не предусматривалось. Как же он тогда расстроился... Брата хотя бы отправили к морю отдыхать. А его, словно ссыльного декабриста, отправили в глухомань без компьютера и Интернета!

Единственное, что было из развлечений в бабушкином доме – это небольшая речушка в конце огорода, которую

можно было назвать речкой только в период осеннего половодья, и пыльные связки старых книг на чердаке. Хотя он считал себя взрослым и солидным, но при отсутствии постороннего наблюдения и иных альтернатив, он предавался забавам, достойным куда более «мелких». А что, если нет тебе ни клуба, ни дискотеки, ни компьютера!

Сразу же отбросив «Историю ВКП (б)» и избранные сочинения Ленина, он принялся за потрепанную «Занимательную физику» Перельмана. Вдохновленный красочными описаниями, решил собрать из маленькой жестянки, куска дерева и таблетки сухого горючего реактивный паровой кораблик. И надо сказать, эксперимент получился тогда довольно удачным: игрушечное суденышко довольно резво проплыло несколько сот метров по речушке, причем против течения. Конечно, он, как всякий подросток, считающий себя взрослым, до этого пробовал курить подозрительного вида траву, растущую на подворье (от нее только саднило в горле), пробовал даже начать ухаживать за соседской девчонкой – одиннадцатиклассницей. Но на том фронте его довольно быстро отшили... Ну и хрен с ней, с дылдой самовлюбленной! Что делать? Благо, домик бабушки стоит на отшибе, никто его не видит, а бабушка целый день работает вахтером на местном зерноскладе. Так что можно предаваться всякой ерунде, и не бояться, что тебя засмеют.

– Ну вот, по крайней мере, у меня уже есть две мысли, как улучшить ваш речной транспорт. Нужно построить паровые

буксиры и внедрить контейнерные перевозки. – глубококомысленно произнес Никита.

– Мудреные и непонятные ты слова лопочешь, Никита. Я ничего не разумею из того, что ты говоришь.

– Ничего, это я нарисую и объясню, а когда бы мне умелых кузнецов и плотников, то не сложно было бы все это и собрать.

– Так пойдем, я тебя отведу к кузнецу Мокруте, получше его кузнеца не сыскать. Поговоришь с ним, расскажешь, а он и сделает то, о чем ты задумал. Споро и ладно работает Мокрута со своими ребятами.

– А далеко живет Мокрута?

– Далече. Но ты не беспокойся. Мы у Сычихи сегодня ночевать не будем. У Мокруты в кузне и останемся на ночь, он хозяин хлебосольный, не обидит.

Они поднялись и двинулись вдоль реки. Часа через два послышался вдали стук молотов.

– А вот и кузницы. На самом отшибе – Мокрутина . Туда и пойдем сейчас.

Когда они открыли дверь, казалось, попали в ад. Кузнечный горн полыхал жаром, раздуваемым молодым пареньком. А со всех сторон работали кузнецы и молотобойщики, наполняя воздух звоном металла. Увидев в углу крепкого мужчину, около сорока лет, Нестор подошел к нему и поздоровался.

– Ну здравствуй, Мокрута, Святополков сын. Как жи-

вешь-можешь?

– Здрав будь, старец Нестор. Рад видеть тебя! Что тебя привело ко мне?

– Да есть у этого отрока к тебе дело. Ты не смотри, что он отрок: он дело знает весьма необычное и премудрое, государственной важности. Его, кстати, Никитой Орловичем кличут.

Кузнец отбросил молот и протянул свою крепкую руку Никите.

– Здоров будь, отрок Никита!

– Здравствуйте.

– Ну, рассказывай свое дело.

Никита поначалу растерялся, но потом все же взял себя в руки.

– Баржи у вас водят бурлаки. В чем прикол, я не пойму. Можно было бы хотя б лошадьми водить. Но ладно, я предлагаю сделать так, чтобы они двигались силой пара, причем реактивной. И сооружение не такое, чтоб сложное.

– Ну, лошадьми, допустим не везде получается. А паром – мы такого никогда не слыхивали. Нечто можно кастрюлькой баржу двигать против течения?

Никита достал заостренную палочку и принялся ею чертить на песке, рассыпанном внутри кузницы.

– А можно, это я точно знаю. Главное в этом деле – прочный и довольно большой котел. Его бы сделать цельным из чугуна или из бронзы. Там будет довольно большое давле-

ние, надо, чтобы не разорвало. Под этим котлом сделать топку, желательно с колосниками. Через сам котел от топки провести трубы, по которым вверх будет проходить горячий дым. Сбоку к котлу приделываем такое сопло, чтобы сужалось к концу. Ну и конечно надо придумать какую-нибудь задвижку, чтобы регулировать количество вырывающегося пара.

– Нам на такую работу надо бы недели две-три, да и то с ливарниками надо посоветоваться. Котлы мы большие правда делали, опыт, так бы сказать, имеем. Для кухни царской скороварные котлы месяцев пять назад доставляли. У-у-у, громадные быки были, чтоб юшку для пяти тысяч человек можно было в них сварить. Когда Никита будет во всем нам подсказку держать, то должно быть управимся.

– Ну, – заговорил Нестор, – Никита у нас человек занятой, государственными делами обременен. Но заходить будет. Ты, Мокрута, держи все в секрете. Окромя тех, кому по необходимости построения, никому ничего не говори.

– Дело ясное, Нестор Иванович! Мы ж люди работные, да не простые: в особом приказе царском состоим. Что ни работа, то либо тайна государева, либо дело секретное.

Затем Мокрута пригласил Нестора с мальчиком разделить с ним ужин. Была это пареная репа с каким-то жиром и небольшой кусок изжаренной баранины. А когда стало смеркаться, хозяин постелил гостям на лавках и пожелав им доброй ночи, сам заснул богатырским сном.

У Никиты тоже уже начали закрываться глаза, когда он увидел в уголке кузницы какое-то слабое свечение. Незвестно откуда появился маленький человечек с бородой, одетый в кожаный фартук и кожаные штанишки. В руках он держал небольшой молоточек.

– Ой, вы гном?

Человечек смутился, а потом внимательно посмотрел на Никиту.

– А ты чего не спишь, дитя неразумное. На то людям дана ночь, чтоб спать, и нас, обитателей ночного мира, не тревожить.

– Да вот, не получилось уснуть. Все уже спят – а я все нет.

– Бывает.

– А вы все-таки гном?

– Ну почему же, я кузничный. С деда-прадеда кузничные мы, с банными и домовыми в родстве состоим.

– И чем вы занимаетесь?

– Ведомо дело: доброму хозяину помогаем, злому – вредим. Когда добр кузнец, и порядок у него – тогда мы всякую работу за него доделываем, огрехи выправляем. А когда злой да пьяница – тогда мы горн гасим, железо пережигаем, инструмент крадем.

– А теперь вредить или помогать будете?

– Отчего же вредить. Лучше Мокруты кузнеца и не найти: и к людям добр, и хозяйство держит в порядке, и нас, кузничных, не обижает: воды оставляет, инструмент бережет.

А ныне слышал я будет ему тяжелая работа, большое дело, невиданное. Реактивная сила на корабль. Эвона как!

Никита хитро улыбнулся, но смолчал. Человечек, бормоча себе под нос какие-то заклинания, принялся хозяйничать в кузнице. Что-то поколдовал над горном, зачем-то замел металлическую стружку возле верстака. Наблюдая за бородатым человечком, Никита почувствовал, как его глаза постепенно закрываются, а сам он проваливается в глубокий сон.

Глава 5

Утро началось как-то необычно. Не было ни петушиного кукареканья, ни каких-нибудь утренних звуков. Зашел слуга и сказал.

– Извольте умываться и следовать в зал для собраний. Там уже собраны грамотные люди, коих отрок будет учить рисункам земли.

– Ой, мне же нужно подготовиться. – растерялся Никита, – Нужно: блюдо с водой, небольшая деревяшка, любящий камень и гвоздь. И еще кусок полотна, плоская доска, жердь, а также пила и вообще, принесите весь возможный инструмент.

Слуга несколько удивленно кивнул головой.

Кое-как умывшись, Никита обнаружил, что вместо вчерашней одежды возле его кровати лежит стопка странных вещей. Там были красные шелковые штаны, расшитый золотом и жемчугами кафтан, красная косоворотка, а у кровати стояли сапоги из мягкой кожи.

– Что, мне одевать этот попугайский наряд?

– Добрый наряд, какой и должен быть у царского советника. Генеральская форма. Великую милость тебе царь оказывает.

Одежда была маловата, и стесняла Никиту. Ему в ней было очень неудобно. Последний раз Никита чувствовал себя

так первого сентября, когда мама и бабушка общими усилиями натянули на него костюм из искусственного шелка и галстук.

В зал перед Никитой зашли сначала слуги, которые тащили разные деревяшки и инструмент, затем зашел некто вроде камердинера или дворецкого (Бог знает, как называется его должность) и торжественным голосом объявил:

– Его Превосходительство Никита Орлович, действительный тайный советник, отрок из Волшебного мира.

Заходя в зал, Никита почувствовал, как у него засосало под ложечкой. В зале сидели солидные степенные люди, которые впились в него внимательными взглядами. Слова застряли где-то в глубине горла и никак не желали выходить наружу.

– Здрав будь, отрок! – поднялся со своего места самый солидный.

Никита кивнул в ответ головой.

Нужно было рассказывать о картографии, но именно в этот момент все мысли будто испарились. В голове была мучительная пустота. Ситуация напоминала ту, в которую он не раз попадал, стоя у доски на уроках Антонины Павловны, их географички.

– Что ж, отрок, расскажи нам о премудростях дела твоего, о том, как писать рисунки земель.

– Карты, – начал было Никита и закашлялся. Во рту пересохло от напряжения.

– Да, карты, слышали некоторые уже из нас это слово. Сам государь нас к себе вызывал, дабы мы отправились к тебе премудростью этой овладевать – неспешно, немного «окая» отвечивал облаченный в черную шелковую рясу священник. Может быть, был он епископом, может быть аббатом. Сложно сказать.

– Так вот, карты – это изображение местности, выполненное на плоскости в определенном произвольном масштабе, – выдавил из себя Никита. Прозвучало это настолько неестественно, настолько не его словами, что он поперхнулся во второй раз. Все важно переглянулись.

Взяв себя в руки, Никита решил продолжить.

– Прежде всего, для того, чтобы нарисовать карту, нам необходимо иметь соответствующий инструмент. Нужно иметь планшет, желательно с опорой, визирную линейку, компас и карандаш, в вашем случае – кусочек древесного угля. И еще нам нужен угломерный инструмент, что позволили бы определять расстояние до предметов.

Из всей этой тирады, похоже, гости поняли только «кусочек древесного угля».

– Начнем с изготовления компаса. Для этого возьмем маленький кусочек дерева и ножом сделаем в нем углубление, – Никита дрожащими руками принялся выдалбывать в деревяшке паз. Получилось несколько халтурно, но... лучше, чем можно было ожидать, учитывая волнение.

– Потом в паз вложим магнит, или как вы его называе-

те, любящий камень, а сверху привяжем бечевой гвоздь. Вот так... – он отдал свою поделку самому солидному грамотею. Все бросились с любопытством осматривать сделанное.

– Теперь наливаем в блюдо воды, кладем нашу импровизированную стрелку, чтобы она плавала. И оп-па... стрелка становится в нужном направлении. Покрутим блюдо... и оп-па. Все равно оно поворачивается туда, куда надо.

Из массы солидных людей вырвался вздох удивления, все повскакивали со своих мест, чтобы лучше рассмотреть происходящее.

– Вот так чародейство, – выдохнул один из грамотеев.

– Невиданное дело: гвоздь-то заколдованный, сам вращается! – вторил ему другой.

Епископ важно поднял руку с указательным пальцем вверх:

– Царь наш нас не допустил бы до дьявольского чародейства и прочей погибельной деятельности, ибо он есть Помазанник Божий, и потому сие прошу чародейством не называть! Особенно в присутствии духовных лиц. Это наша парafia: что считать чародейством, а что нет, кого подвергать за непотребное деяние анафеме, а кому во всех храмах хвалу воздавать!

– Вы, совершенно правы, это не чародейство, законы природы. – Никита поддержал церковника и почувствовал огромное облегчение. Салидные грамотеи удивлялись, словно малые дети в цирке. Какое-то время все были поглощены

процессом наблюдения за диковинной штуkenцией. Никите едва удалось усадить всех по местам. Дальше, он знал, будет труднее: шла скучная часть «урока».

– Нужно собрать планшет с визирной линейкой. Для этого отрежем жердь так, чтобы она была на уровне подбородка. К торцу жерди приколотим плоскую доску. К доске прибиваем реечку, но не сильно, а одним гвоздиком, чтобы она легко двигалась. Реечку размечаем на равные промежутки, например, на величину моего пальца... Ножиком делаем зарубки.

Никита совершенно уже окреп духом. От бывшего волнения не осталось и следа. С изготовленным планшетом они вышли из избы и прошли к реке.

Один из царских грамотеев тихо ворчал:

– Виданное ли дело, чтобы дворянского звания человек из древнего рода жерди пилил и гвозди забивал. Не наше дело сим презренным трудом заниматься...

Услыхав это, Никита замер. Вся степенная толпа приостановилась, внимательно и даже со страхом вглядываясь в переменившееся лицо девятиклассника. Откуда-то изнутри возникла злость на фарисействующего боярина.

– Какое же ваше дело, господа-товарищи? Роптать на царя и чваниться своей исключительностью?

Все важные грамотеи со страхом расширили глаза. В их воображении почему-то всплыли картины из эпохи Василия Мстителя, когда никто не смотрел ни на родовитость, ни на былые заслуги. В словах отрока они услышали угрозу, как

сверкание меча, на мгновение вынутого из ножен.

– Не гневайся, Ваше Превосходительство! По неразумению мы так говорили.

Никита сам удивился произошедшей в нем перемене. Еще утром, заходя к этим важным людям, он сам испытывал страх и волнение. Он боялся, что его никто не будет слушать, ему хотелось понравится аудитории. Теперь он чувствовал совсем иное. За спиной стояла власть, и все гордые, важные, спесивые знали об этой власти и не смели ей перечить. И уже не он должен был плясать перед ними на задних лапках, а вовсе наоборот.

– Слушаем дальше... и смотрим внимательно! Ну вот. Теперь кладем на планшет кусок ткани, причем угол нашего платка должен находится так, чтобы визирная линейка лежала по диагонали. С помощью компаса выясняем где у нас север, а где юг. И проводим на платочке стрелочку «север-юг». Выбираем самые приметные предметы на местности. Называется ориентиром. Допустим, монастырь за рекой, вон тот вековой дуб, – Никита протянул руку, – и башенка царской дачи... Ничего не меняя, не поворачивая, наводим линейку на каждый из этих предметов и проводим линии. Это оси направлений. Ну как, понятно?

– Более – менее... – прогудели грамотеи.

– Теперь, – продолжал Никита, – будет сложнее. Теперь нам надо замерить расстояние до наших ориентиров. Как это сделать, когда напрямую к ним не пройти, и мерную веревку

туда не протянуть?

Все переглянулись.

На конец Никита приберег самую скучную «пилюлю». Давать инструктажи – вообще не слишком благодарное занятие. Пока какое-либо дело совершаешь сам, оно кажется простым и даже немного интересным. Но как только его начинаешь подробно объяснять, то получается такая редкостная тягомотина, что прямо плевать хочется. А от того, что эту самую тягомотину в разных вариациях приходится повторять не один, и даже не два раза, начинаешь испытывать приступы злобы на весь мир. Почему школьные учителя в большинстве своем такие нервные и психованные? А вы попробуйте из года в год повторять одну и ту же белиберду, при том, что ее еще и не очень-то кто хочет слушать. Да от этого с ума сойти можно.

– Для этого нам нужен вот такой инструмент, – Никита принялся вновь мастерить, все показывая. – Сначала берем широкую доску и к ней под прямым углом прибаваем первую реечку. Понятно?

Грамотеи согласно закивали, но внимание упало до нуля. Они устали, хотя и стремились не показывать этого. Пришлось организовывать небольшой перерыв, во время которого грамотеи травили местные неприличные анекдоты. При этом важные церковники хотя и осуждающе посматривали на распоясавшихся светских грамотеев, тем не менее улыбались. После «кофе-брейка» занятие продолжилось.

– Итак. Смотрите. Чем длиннее мы возьмем доску, тем точнее можно будет промерить расстояние. Вторую прибиваем с другого конца доски, но на одном гвоздике, чтобы она была подвижной. Все это устанавливаем на опору. И теперь нам нужно наш инструмент откалибровать, то есть настроить. На ровном месте ставим наш инструмент, и кто-нибудь из вас отходит от него на двадцать шагов. Наводим сначала одну реечку, затем другую на нашего человека. Ставим рисочку и пишем – двадцать шагов. Потом таким же образом двадцать пять, тридцать и так далее. С этим инструментом можно измерить любое расстояние, хоть за реку, хоть через пропасть. С этим ясно?

– Ясно, Никита Орлович. Эвона какая премудрость великая!

– Да нет здесь никакой премудрости. Элементарная тригонометрия. И измерив расстояние от нашей точки наблюдения до ориентиров, откладываем их на нашей карте. Для этого нам нужен произвольный масштаб. К примеру, до вон той горы, я думаю, шагов семьсот. А длина нашего лоскутка – сейчас, сейчас... двадцать пять моих больших пальца. Если разместить гору в самом конце карты, то тогда получается, что один мой палец равен... так... двадцать пять к семьсот... 28 шагов. Внизу карты пишем... один палец – двадцать восемь шагов. Когда главные ориентиры будут нанесены, тогда просто на глаз заполняем пространство более мелкими деталями местности, исходя из их расположения.

– Мудр ты, Никита Орлович. Отродясь мы такого не слышали.

– Надо бы вам потренироваться. Начинайте с изготовления инструмента, с самого начала. А я буду смотреть и исправлять.

Закипела работа. Царские грамотеи, по большей части в монастырских должностях, принялись мастерить из подручного материала все, что им рассказывал Никита. Получалось это у них не больно хорошо, они напоминали школьников, впервые пришедших на урок труда.

Самый молодой из «учеников», дьякон Аристарх, носивший реденькую рыжую бороденку, подойдя к Никите, спросил:

– А что же делать там, где леса. Ведь у нас же царство богато лесами, к северу одни чащи почти.

Никита несколько растерялся. Действительно, в дремучем лесу задача картографической съемки очень непростая. Он, собственно, вообще о том, как же делают географические карты, знал лишь из старой детской энциклопедии. Да и то, только то, что мог вспомнить. Ученик 9-Б класса крепко задумался.

– Действительно, задача непростая. Для этого придется сделать башню, которая была бы выше крон, а уже с нее снимать местность. Например, саму башню можно сделать из высокого дерева, сделав на его вершине нечто вроде площадки, и поднимаясь наверх на прочной веревке. Кроме того,

чтобы было видно ориентиры, можно запалить около них костры, чтобы поднялся дым. По таким дымкам можно и ориентироваться.

– Мудреное дело и сложное.

– Да, не такое уж и простое, к сожалению. Кроме того, карты нужно будет потом объединить в одну. Для этого нужно точки наблюдения указывать на соседних картах, иначе никак.

Долго еще тренировались царские грамотеи, охали и вздыхали. Устав, начали проситься домой. Выглядело это весьма потешно. Никите казалось, что перед ним не монастырские грамотеи и царские слуги, а младшие школьники, превращенные злым волшебником в солидных взрослых мужей.

Время приближалось к ужину.

Внезапно на дороге показалась царская карета, правил ей стрелец-гвардеец, на запятках тоже стояло двое служивых молодцев.

– Ваше Превоходительство, Никита Орлович. Царь приказал Вас привезти к нему. Сегодня он издал указ об особых плотничьих и кузнечных артелях, что будут даны вам в распоряжение.

Пришлось тут же прыгать в карету и отправляться во дворец.

Царь все еще продолжал лежать в своей опочивальне, на животе. Он побледнел и осунулся, и Никите даже стало его

жаль.

– Здравствуйте, Горох Кондратьевич!

– Здравствуй, Никита. Я тебя вызвал не просто так. Как ты просил, так и повелел я артели из плотников и кузнецов знатных создать. Бери под командование. Почитай тысячу человек даю, восемьсот плотников да сто восемьдесят кузнецов. Даже королю вестфридскому не было такой чести... между прочим. А уж черного люду для работ – бери без счета.

– Нужно будет построить возле Горохова верфь, чтобы паровые буксиры делать.

– Ну строй. Вот тебе моя грамота... возьми-ка там, на тумбочке. В ней приказано каждому оказывать тебе всякое содействие. Что тебе надобно для верфей новых?

– Ну, лес наверное. Ну и вообще, материалы всякие строительные.

– Ты грамоту свою покажи купцу первой гильдии Свириду, он тебе враз все достанет. А мы уже оплатим кое-как. Но смотри, отрок, за все дела свои потом будешь ответ держать: когда обманешь нас, то из-под земли достанем... Понял... А теперь ступай, делай, что знаешь.

– Спасибо, Горох Кондратьевич!

Выйдя от царя, он уверенным шагом отправился к карете со стрельцами и показал царскую грамоту. Сев в карету, приказал начальственным тоном

– В кузницу Мокруты...

Карета потихоньку поехала. Никита все больше вживался в новую роль и она ему все больше нравилась.

Подъехав к кузнице, он открыл дверь. Как и всегда, в кузнице кипела работа. Стоило ему зайти, как гул молотков стих и все кузнецы начали отвешивать поклоны. Мокрута смотрел на Никиту удивленно.

– Зравствуйте, дядя Мокрута...

– Здоровы будьте, Ваше Превосходительство... Никак не ожидали Вас, и не знали о чине вашем генеральском... Потому великодушно просим простить наш предыдущий прием...

– Да ну что вы, дядя Мокрута... – Никита почувствовал себя неуютно. – Хорошо ведь меня приняли в прошлый раз... Дядя Мокрута, а скажите-ка, как там продвигаются дела по нашему проекту.

– Уже заложили литейщики модель. Послезавтра будем отливать.

– Дядя Мокрута. Мне царь дал артели плотников и кузнецов, почти тысячу человек. Будем строить в Горохове верфи новые, чтобы делать паровые буксиры. Поможете мне управиться со все этим.

– Ничего себе. Что ж, Никита, попробую помочь.

Глава 6

На следующее утро опять продолжились занятия с царскими грамотеями. Еще немного, и царь прикажет отправить их всех в экспедицию по земле царства, чтобы сделать картографическую съемку всех губерний и уездов.

Через неделю уже ехал Никита с Мокрутой и Нестором выбирать место под устройство верфей. От количества забот кружилось в голове, а спать приходилось все чаще в карете во время переездов. Работы не прекращались ни днем, ни ночью.

Река Гороховка подернулась легкой рябью, неспешная речная волна плескалась об глинистый берег.

– Надо выбирать место, чтобы был пологий берег. Вот тут, возле камышей, доброе место, – показал пальцем Мокрута.

– Но надо ведь, чтоб и глубина была достаточной, баржи-то большие будут сходить, – возражал ему Нестор.

– Верфи мы будем строить вот здесь, около заводи. – Никита решительно двинулся вперед. Мокрута нес на своем плече столбики, которыми предстояло разграничить место будущей стройки. Их сопровождало около десятка рабочих, с разметочными колышками и молотами в руках.

– Великое дело намечаем, – проговорил Нестор. – Отсюда пойдут по рекам невиданные прежде чудеса.

Будто в ответ на это Никита взял первый колышек и одним

ударом осадил его.

Началась работа. Вязанные плоты приводили сплавщики откуда-то с юга, и рабочий люд, с пением «Дубинушки» втягивал его на берег. Застучали топоры, запели пилы, и начала возводиться верфь. Поначалу Никита очень терялся, не знал, какие распоряжения ему отдавать. Но потом привык. Всего за два месяца построили верфь и заложили на ней два паровых буксира: «Судак» и «Осетр».

Сложнее всего давалась отливка котлов. Копоть висела над рекой, рабочие валялись с ног от усталости. Все чаще стали наведываться государевы слуги, качали головами и охали.

– Да где ж это видано: кастрюлька на лодке. Смех, да и только.

– И посмотри, посмотри. Ишь, железом дно лодки простилают. Утонет баржа, и от берега не отойдет.

– Не сносить головы ни Никитке ихнему, ни Нестору, что привел его. Да и остальные закончат жизнь свою в царской пыточной.

– Да, давно уж пустует пыточная. Но недолго ей осталось пустовать – будет вся набита теми, кто верфь эту потешную сделал.

Посмеивались и иностранцы, да не все. Некоторые смотрели вострым глазом, да привечали всякое движение, и своим правителям слали доклады.

Более всех бранил идею Селиван Никифорович, подни-

мая люд и общественность на протесты против строительства новых судов.

– Видано ли дело, отцы-братия, – вопил Селиван Никифорович перед толпой собравшихся жителей Горохова, – чтобы пускать столько казны на отроческие игры. Служивым людям не плочено, подати поднял – а тута забавы детские, и то, чего никогда не будет, ибо сие есть против того порядку, что указано нам самим Богом. Да и кто такой есть, отрок сей Никита? Откуда он явился? Не боярский сын он, не царевич – а возможно и вовсе холоп прирожденный.

– Верно говоришь, Селиван Никифорович! – выкрикивали в ответ. – Где же это видано, чтобы дитяти, да еще и возможно холопскому или того хуже, сыну какой девки непотребной, енеральское звание давали?! Что же это делается, люди добрые.

– Вон самозванцев! Вон самозванцев! Долой верфи! – дико завопил кто-то в толпе.

Казалось, еще чуть-чуть, и народ бросится к верфям, и начнет их громить. Но вдруг появился на добрых конях отряд конных гвардейцев, и впереди скакал на вороном жеребце сам воевода Кирило Евсеич.

– Эгей, народ! – зычно прокричал Кирило Евсеич. – Больно голосисты стали зовущие вас на бунт! Вашими руками державу нашу разрушить хотят! Кто против воли царской – выходи наперед!

Толпа поутихла. Люди в молчании уставились на конницу,

которая их окружала. Стоявший на трибуне Селиван Никифорович, увидев мрачные лица конников, был обескуражен, губы его задрожали. Он вдруг понял, что еще мгновение, малейшее неразумное действие с чьей-либо стороны – и начнется стычка. И, вполне возможно, ему уйти не удастся, и тяжелая шашка царского конника не посмотрит в пылу схватки на его боярское звание – разрубит пополам. Зарубежные протекции посмертно – помощь приятная, но небольшая.

– Да нечто кто посмел бы, – начал медоточивым голосом Селиван Никифорович, – против воли батюшки нашего, на дежи-государя, даже слово молвить. Все мы здесь собрались люди мирные и законопослушные, дабы лишь обсудить происходящее.

– Ну, эту свободу у вас никто не отбирает, обсуждайте. Но кто если посмеет что... не сносить тому головы! Лично на кол посажу!

Толпа начала потихоньку расходится.

Через несколько дней глашатаи в Заморском царстве, в Вестфридии и даже в саркабской столице Джейран-Джейран зачитывали на перекрестках обычную недельную сводку со следующей статьей:

« В землях царства Гороха 24 июня года 1022 прошли массовые акции протеста против деспотичного стиля правления и притеснения всяческих свобод. Кроме политических, выдвигались и экономические требования. Демонстранты потребовали отчета власти за несоразмерные бюджетные рас-

ходы на проекты, целесообразность которых поставлена под большое сомнение. Лидер оппозиции Селиван Никифорович Скрытнинский призвал приостановить финансирование несбыточного проекта строительства самоходных барж, что выглядит по меньшей мере справедливым в царстве, где четыре пятых населения находится за чертой бедности. Демонстранты требовали, по крайней мере, дать отчет по расходу средств на этот проект. Требования выполнены не были, при этом власть применила силу против мирного населения... Вот как сам лидер оппозиции Селиван Скрытнинский описывает происходящее: «Это произвол царского режима, и мировая общественность не может молчать. Лидеры мировых держав обязаны применить разнообразные инструменты воздействия, включая жесткие экономические и политические санкции, чтобы противостоять бесчеловечному режиму царя Гороха. Возмутительным образом мирная демонстрация была разогнана тяжеловооруженными конными гвардейцами, есть много жертв. В тайной царской пыточной томятся тысячи безвинных узников». С места событий, специальный корреспондент Вэли Вайрисон...».

На тумбочку царя лягло сразу несколько десятков нот протеста от лидеров мировых держав. От заморского царя пришло целых четыре ноты протеста. Царю и его воеводе запретили въезд во все страны, кроме страны саркабов. Там поддерживали общий шум, но торговлю не останавливали. Царь, сцепив зубы, наблюдал за происходящим. Толь-

ко мрачнел лицом.

– Да, развернули они против нас кампанию: заморозили выплаты за вывезенные нами же товары, – жаловался царь Горох Кириле Евсеичу, – просто наглый грабеж. Фактически свернули всю торговлю. Да что свернули: товар забрали, а как деньги платить, так кукиш с маслом. Падлы!

– Не печалься, царь-батюшка. Возобновят торговлю, только уляжется шум.

– Да не уляжется. Видишь как взялись. Видно готовят что-то серьезное. Свергнуть меня хотят, а на мое место поставить свою марионетку. Все у них просчитано...

И вот наконец готов был «Судак», ухнул в воду и поплыл, не утонул. Царь пришел лично со свитой посмотреть на судно.

Никита стоял около котла и бодро командовал.

– Так, заливаем воду... Уровень не превышать! Теперь дрова закладываем. Не слишком туго.

– Когда думаешь плыть, Никитка? – Нестор обеспокоено ходил в передней части судна. – Ишь громадина какая, говорил, меньше надо делать. Какие бурлаки такую-то громадину потянуть смогут?

Никита молчал. Котел начал постепенно шуметь, как закипающий чайник. На набережной набралась громадная толпа любопытствующих.

– Ой, глядите, печка на барже. Вот смеху-то.

– Никита Орлович умен, пойдет баржа...

– Да ну, с деда-прадеда вдоль бережка Гороховки да Немы все бурлацкими босыми ногами истоптано. Так и далее будет.

В верхней части котла было сделано нечто вроде манометра, из трубочки и пружинки. Чем более пар давит, тем больше из трубочки выпирает наружу прут, покрашенный в полосочки. Прошло около двух часов и прут вышел почти полностью.

– Ну все, трогаемся, – взволнованным голосом сказал Никита и начал потихонечку отодвигать задвижку на сопло. С шумом вырвалась струя разгоряченного пара, все более разрастаясь позади судна. В толпе зевак, стоявших на берегу, послышался мужичьи возгласы и бабий визг, в городке залаляли собаки.

Вначале медленно, как бы нехотя, судно сдвинулось с места и начало набирать скорость.

– Надо бы прикрыть немного задвижку, а то улетим, – улыбнулся Никита. «Судак» несся по речной глади словно птица, вырвавшаяся на свободу.

– Царь весьма довольным выглядел, – сказал Мокрута, вглядываясь за корму.

– Сколько у нас до Лапотного порта?

– Пешком вдоль реки – дня два перехода. А бурлаки тянут баржу почти семь дней.

– Значит, около ста километров. Сейчас у нас скорость – километров двадцать пять – тридцать в час. Жаль, придется

останавливаться, чтобы залить вновь воды. Когда прицепим баржи – больше десяти-пятнадцати не дадим, тем более против течения. Итого, туда – четыре часа ходу, назад – десять часов. Завтра обернемся, может еще и к обеду успеем.

– Это будет истинным чудом.

– Эй, кочегар, дровишек подкинь...

На рев машины из прибрежных сел выбегали люди. И увидев несущуюся баржу, похожую издали на огнедышащего змея, вновь прятались по избам. Через полтора часа запас воды исчерпался, судно замедлило свой бег.

– Ну что же, придется подливать воду. Но котел горячий, можно обжечься, поэтому, осторожно...лицо не приближать. И сначала по чуть-чуть. И руки тряпьем обмотать... – отдавал распоряжение Никита.

Вода полилась в воронку, зашипела, выбросив облако пара. Затем, когда бак был наполнен, пришлось еще около полутора часов разогревать котел до рабочего давления.

– Нда, – сказал Никита, – не рассчитал я немного. Таким образом будем мы добираться намного дольше, чем я думал.

– И все равно, уже поворот на Нему. Быстрее идем, чем на коне! – восхищенно ответил Мокрута.

В Лапотный порт прибыли ближе к ночи. В морской гавани города стояли иностранные суда, крутобокие многопалубные заморские и длинные саркабские галеры, полные рабов-гребцов. Военные галеры заморцев имели по три ряда весел, и до тысячи гребцов приводило их в движение. На

речной пристани грузилось несколько барж.

Убавив до минимума ход, практически на выбеге, Никита подвел буксир к пристани. Судно гулко стукнулось об деревянные сваи.

– Эгей, где смотритель пристани! – закричал зычно Мокрута, – Царские посланники прибыли!

Из ветхого домика вышел человек и подошел к буксиру.

– Вижу, это вы, на самобеглой барже. Как же, слышали и мы обо всем. Ну что же вы, проходите, гости дорогие. Переночуйте же у нас, уважьте.

– Нам утром надо баржи на Горохов вести.

– Утром и отправитесь.

– А сколько у вас барж готово.

– В Горохов – четыре баржи. Одна с заморскими товарами, три – с камнем для строительства.

Как только рассвело, Никита сразу же отправился на буксир. Сонные матросы начали закладывать дрова в топку.

– Ну что, попробуем все четыре баржи и повести.

– А пойдет ли?

– Пойдет, иначе и быть не может.

Возле пристани собралось почти все население Лапотного порта. Вело оно себя, в отличии от столичных жителей, достаточно смирно: просто с любопытством рассматривало невиданное сооружение. Крючники и бурлаки сцепили вместе четыре баржи, а потом привязали их к буксиру. Вновь зашумел котел, и Никита слегка открыл задвижку. Очень мед-

ленно, поезд из судов пополз вперед, но потом начал потихоньку набирать скорость. Послышался уже привычный, радостный рев пара за кормой. «Судак» повел свои первые баржи против течения.

– Теперь надо будет обучить людей, чтобы могли управлять буксирами – и оживет река. Не бурлаки, а пар будет доставлять грузы во все уголки.

Прибыв назад в Горохов, переключился Никита на новое дело: контейнерные перевозки.

– Дело это такое. Вместо того, чтобы каждый раз загружать-разгружать, – рассказывал он Архипу, голове плотничьей артели, нужно делать большие деревянные ящики, всегда одинаковые, такие, чтоб аккуратно один ящик занимал всю телегу. Наверху такого ящика – крючья, чтоб можно было его привязать к подъемному крану на пристани.

– А как же делается твой подъемный кран.

– Ну, это дело несколько более сложное. Вот чертежи, посмотрите внимательно, что я за ночь нарисовал.

На кусочке ткани было изображена большая деревянная свая, к ней крепилась поворотная стрела, которая поднималась веревкой через систему блоков.

– А что это, в стороне...

– Это – революционная вещь. Такого у вас еще никто никогда не применял. Называется – электричество. Это – мотор-генератор, штука крайне любопытная. Вот посмотри, как она устроена... В основе всего – магниты, любящий ка-

мень, да проволока медная.

– И что же это все здесь будет делать?

– Здесь – это привод крана. Именно он позволит легко и быстро загружать наши ящики.

Никита с видом восточного фокусника достал еще один рисунок.

– Вы конечно знаете, что магнит притягивает железо, причем довольно сильно. Этой силой мы и хотим воспользоваться. Во всяком металле внутри живут такие огненные частички. Когда ничего не происходит, мы их не видим. Но перемещая магнит около металлической проволоки, мы как бы проталкиваем эти частички от одного конца проволочки к другой. Когда частички начинают бежать за магнитом, мы это называем электрическим током. Чем больше проволоки намотать, тем больше частичек одним магнитом можно переместить. Единственно, проволока в намотке не должна соприкасаться, лучше ее обсмолить, прежде чем наматывать. Частички, живущие в металле, обладаю колоссальной силой: они могут нагревать, приводить в движение механизмы...

– Это явное волшебство.

– Ну, можно и так сказать. Хотя ничего сверхестественного. Мы намотаем проволоку на деревянный вал, а с обеих сторон поставим магниты. Концы проволоки соединим на одном конце вала со специальными пластинками, их называют ламелями. Они должны быть отделены друг от друга. Возле ламелей крепятся две другие пластиночки, так, чтобы

их концы пружинили и прижимались к ламелям. Эти пружинные пластиночки называют щетками. Именно на них и будут поступать наши огненные частички, которые так разбегутся, что уже их так просто не остановишь. Но для того, чтобы они разбежались, нам надо начать вращать вал...

– Это все весьма потешно и любопытно, но что это даст.

– Все очень просто. Если протянуть провода, то есть две проволоки от одного такого устройства к щеткам точно такого же, то можно передать вращение на любое расстояние. Огненные частички, бегущие по проводам, будут вращать вал. А когда на магнит намотать проволоки, и пустить по нему электричество, то он станет сильнее во много раз. Вот так-то.

– А остановить эту машину как?

– Да очень просто – разъединил один проводок: и остановка. А когда поменять проводки местами, то машина начнет вращаться в обратную сторону. У, это такая сила – у нас на этом все держится. Ведь одна большая машина, которую мы вращаем, может вращать много маленьких. Кроме того, если пустить огненные частички по железу, то оно будет нагреваться. Но сами огненные частички – штука опасная, когда взяться за голую проволоку, по которой они бегут, то и убить может.

– А чем вращать такую машину, ведь для этого надо много силы? – Архип вопросительно поднял косматые брови.

– Ну, можно водой, можно и паром... да, чем угодно. Ветром, к примеру.

– А это... как его... лектричество, можно вместо лошади впрячь?

– Конечно. Но, к сожалению, это несколько сложнее.

Через несколько дней Никита отобрал из работников верфи три кузнеца и с десятков плотников и поставил им задачу построить недалеко от верфи и пристани сооружение Городовской тепловой электростанции.

В основе всего был стандартный котел, точно такой же, как тот, что был установлен на «Осетре» и «Судаке». Но сопло теперь не просто выбрасывало пар, а подавало его на вращающееся колесо, которое в свою очередь было соединено с генератором. Долго собирали самые умелые мастера эту конструкцию...

А на верфи уже заложили еще два паровых буксира: один точно такой же, как два предыдущих – «Сом». А второй – несколько иной конструкции, больший и более совершенный: «Белуга».

Глава 7

Ночью 10 августа 1022 года царь спешно приехал в свою резиденцию в Злобино, где теперь обитали Никита, Нестор и Мокрута с семьей. Во все стороны поскакали гонцы, чтобы собрать на срочное совещание в Злобино по тайному велению царя всех окружных воевод.

В небольшом зале собрались угрюмые, запыленные люди, явно понимая, что назревает нечто серьезное и вряд ли радостное. Молча сидели окружные воеводы, рядом с царем сидел Кирило Евсеич. Все с любопытством смотрели на Никиту в генеральской форме, сидящего чуть отдельно. Нарушил молчание царь Горох.

– Сложилась обстановка весьма угрожающая, с тем и созвал я вас ночью, воеводы окружные. Можно сказать, что Родина в опасности... и это не пустые слова.

Все замерли, внимательно вслушиваясь в царские слова. В свете огней было видно, как по лбу Кириллы Евсеича катятся крупные капли пота. Царь выглядел не лучше, он был бледен и напряжен.

– По сведению наших соглядатаев, войска объединенной коалиции, которые базируются в бывшем ханстве Берендевом, приведены в полную боевую готовность. Кроме того, почти закончено возведение двух крепостей заморцев подле Барановца, еще и переброшен усиленный контингент. Одно-

временно, есть сведения, что вестфридская армия ведет мобилизацию, вышли в море их боевые галеры «Непобедимая» и «Устрашающая».

– Ну, с флотом нам бороться не удастся. Своего флота у нас практически нет, даже торгового, – тяжело выдохнул один из окружных воевод. При нападении придется встречать их уже на побережье.

– В Южном округе вообще беда. Дружина недоукомплектована, боевых отрядников почти нет, снабжения нет. Перебросили туда из Центрального округа дружины, да они стоят почти без довольствия. Чтобы прокормится, разбрелись по селам, дисциплина и боеспособность очень низкая. Нужно зерно, фураж для лошадей, одежда.

– Да разве ж победить заморцев. У них кони быстры, а луки особые – точность колоссальная. Да еще и осадные машины есть, катапульты громадные на галерах чего стоят. Пара камней – и любой дворец в пух и прах. А когда еще и зажигательные снаряды метать начнут... целые города вспыхивают, как спички.

Повисла тягостная тишина.

Никита крепко задумался. И потом неспешно сказал:

– Есть один метод, чтобы победить галеры заморцев. В ответ на их катапульты и все ухищрения мы ответим своими ухищрениями. Мы построим на нашей верфи парусно-паровые корабли, вооруженные дальнобойными пушками. Кроме того у нас будет существенное преимущество. Я так по-

нимаю, раз до моего прихода вы не знали о компасе, значит и галеры заморцев ходят недалеко от берега...

– Ясное дело, пока берег видно. Неужели по другому можно?

– Наши корабли будут ходить всюду, даже в густом тумане.

– Лестно говоришь, отрок. Но как построить нам такие корабли, да еще и вооружить этими... как говорил ты... пушками.

– Для этого нам нужно снабжение порохом. Нужно организовать заводик, который бы молот селитру, серу и древесный уголь, и смешивал их в определенной пропорции. .

– Нечто этот порох способен на великие дела? Селитру у нас добывают лишь для того, чтобы в ветчину добавлять, чтобы красна была.

– А вот это, кстати, делать не стоит. Получается отравление, хоть и медленное... – заметил Никита, – Пушка же не так сложна, как кажется. Делать пушки мы будем такие, что с казны заряжаются, причем единым зарядом. По сути дела пушка – это толстостенная труба. Лучше всего в нашем случае отлить ее из прочной бронзы. Чем больше пушка – тем более тяжелый снаряд и с большей скоростью она сможет метать. Сам ствол с задней части надо прочно запереть, чтобы образовалось замкнутое пространство. Запереть ствол в задней части можно прочной стальной пластиной, что будет входить в пазы, словно дверной засов. В самом стволе свер-

лится небольшое отверстие, через которое мы будем зажигать порох. Ствол мы посадим на прочную витую пружину, чтобы после выстрела не сбивалась наводка, и сделаем механизм, который позволял бы наводить пушку и так, – Никита показал вертикаль, двигая пальцем, – и так, по горизонтали. Наводить нужно будет винтами, которые мы прикрепим....

– Довольно, – прервал Никиту царь. – Когда знаешь, что делать – то делай. За какое время верфь может построить такие корабли диковинные?

– Не менее месяца, строить будем сразу по два. При этом будет и паровой двигатель, и парус...

– Нам это зело ничего не говорит, – улыбнулся Никите Кирило Евсеич. – Но на тебя вся наша надежда. Баржи твои самоходные весьма приглянулись народу, никогда прежде не прибывало столько товару ни в Горохов, ни в Красов, да так быстро. Пристани Горохова, что оборудовали кранами твоими, тоже есть чудо чудное. Когда можешь что сделать, то делай.

– Да, но есть доброе предложение, – перебил воеводу царь, – в Баранце и Красове также нужно сделать пристани, чтобы можно было чудными самобеглыми баржами подвозить нашему тамошнему войску фураж и довольствие.

– Это дело более сложное. Для таких кранов, как в Горохове, нужно электростанция.

– А что, Никитка, коли сделать такую электростанцию, как в нашем Горохове, да поставить ее на баржу? Али еще луч-

ше краны на такой паровой буксир, – внес свое предложение Мокрута. – Пар с единого можно брать котла, и на электричество, и на движение.

Царь улыбнулся.

– А ведь дело говорит кузнец, простолюдин! Вишь как общение с отроком в прок пошло!

– Да, это, пожалуй, будет отличный выход. Сам буксир приведет груз, сам и разгрузит баржи. Это то, что нужно в наших условиях, – согласился с Мокрутой Никита.

– А как у нас с подготовкой лучников? – поинтересовался царь у одного из окружных воевод.

– Хорошо. Как велено, стреляют утром и вечером, по целям движущимся и стоящим. Тренируются совершать долгие переходы по лесу.

– А что там с нашей экспедицией, которая карты составляет? – строго поинтересовался царь у Нестора, которого как-то автоматически назначили главным грамотеем.

– Чтобы не быть голословным, – начал старец Нестор, – ныне покажу я труд сей тяжкий...

Он открыл дубовый сундук и извлек толстенный фолиант.

– Вот, здесь почти две трети всех земель твоих описано, надежа-государь. Сделана почти и карта общая, в которой один палец равен десять тысяч шагов. Но она весьма преогромная, и много земель в ней еще недоописаны.

– Немедленно ускорьте работы. И кроме того, посадите переписчиков, столько, сколько будет возможно. Отложите

все, все книги, всякие грамоты и так далее. Пусть сделают как можно больше копий этих карт, чтобы у каждого воеводы через месяц был такой же экземпляр. И помните, – царь возвысил голос, – если карта попадет к врагу, то сие буду считать великим преступлением. Пуще зеницы ока берегите ее и никому не показывайте, кроме людей самых верных.

Через полтора месяца Гороховской верфи сошли не два, как прежде, а целых четыре корабля, один за одним. И два корабля, с парусами и с паровым реактивным двигателем, довольно крупные, были вооружены доселе невиданным оружием. Ночью, когда весь Горохов еще спал, были они спущены и ушли в Нему. Никита отправился на одном из них.

Два пушечных близнеца, невиданных прежде в царстве Гороха сорока метров длиной. «Богатырь» и «Удалец». Выглядели они намного меньше трехпалубных заморских галер, были приземисты и стремительны, но они были новым словом.

Взяв с собой запас продовольствия и пороха, отправились в Студеное море. На обучение экипажа. Долго отговаривал царь Горох Никиту от плавания. Но как без Никитино совета смогут управляться новоявленные матросы? Конечно, царским приказом на «Богатырь» и «Удалец» были назначены все те, кто уже плавал на «Осетре», «Белуге», «Судаке». Но таких было мало. Да и речные буксиры остались вовсе без обученных людей, поставили на них кого ни попадая..

На третий день плавания по Студеному морю с «Богатыря» отправили в портовый городок Весь шлюпку, чтобы получить очередной приказ царя. Вернулись посланцы ночью на корабль угрюмые.

– Что, неужели война, братцы? – с беспокойством спрашивали матросы своих товарищей, вернувшихся из порта.

– Нет, нет войны пока. «Белуга» погибла...

– Как погибла? Что случилось?

– Взорвалась возле Красова, да так, что в щепки... Все погибли...

На корабле повисло тягостное молчание. Лишь волны тихо плескались о борт, заставляя «Богатырь» мерно покачиваться... Когда Никита узнал о гибели «Белуги», он все сразу понял. Неопытные люди перегрели котел, и под давлением пара его разорвало.

На четвертый день предстояло сделать первый выстрел из пушки. Сказать, что это было страшно – ничего не сказать. Если бы ствол был недостаточно прочен, а это было весьма вероятно, то «Богатырь» и «Удалец» закончили бы свое существование точно так же, как «Белуга». Сознавая весь риск, Никита приказал подойти ближе к берегу, и весь экипаж, не участвующий в стрельбе, на шлюпках переправился на сушу. В качестве цели выбрали одиноко стоящую скалу. Разрывное ядро и порох были объединены в единый заряд, находящийся в особом мешке. Открыв затвор, в ствол вкладывали его целых четыре человека. Все происходило словно при

замедленной съемке. Из топки парового котла матрос достал раскаленный докрасна прут и подал Никите. У всех на лбу от напряжения выступил пот. Кто знает, может через секунду все вокруг обратится в прах. Широко открыв рот, чтобы не повредить барабанные перепонки, Никита поднес раскаленный прут к затравочному отверстию. Раздалось легкое шипение и мощный звук выстрела, от неожиданности все попадали на палубу. Корабль затянуло облаком едкого белого дыма.

Когда дым слегка рассеялся, стало видно, что пятидесятикилограммовое ядро откололо довольно массивный кусок скалы. Отовсюду раздались радостные крики.

Через несколько десятков секунд выстрелил «Удалец». Ядро довольно точно попало в цель, отколов от скалы еще кусочек.

– Отдаляемся и стреляем вновь! – скомандовал Никита. Матросы принялись суетиться возле орудия, перезаряжая его. – Указать расстояние!

– Семьсот тридцать шагов, Ваше Превосходительство, – раздался зычный ответ угломерщиков.

– Еще дальше.

– Тысяча двести шагов...

– Еще дальше.

– Тысяча пятьсот шагов.

– Задаем угол возвышения – средняя черточка.

На этот раз раскаленный прут к затравочному отверстию

поднес один из матросов. Пушка ухнула.

– Перелет.

– Снизить на три деления. Перезарядить...

За тот день они выстрелили почти пятьдесят раз. Попадавший было немного, не более десяти.

На следующий день стрельба пошла много лучше. Через неделю пришлось ночью подходить к Веси и вновь загружаться зарядами, доставленными из Горохова «Сомом». Во время этой загрузки Никита сошел на берег, и сев на уходящий с баржами «Сом» отправился назад в столицу.

Горохов гудел, словно потревоженный улей. Вся пристань была заставлена большими ящиками, в которых были самые разнообразные товары. Кран даже ночью, при свете костров, загружал и разгружал стоявшие баржи.

В городе было необычайно большое количество служивого люда. И если раньше в Горохове можно было встретить лишь гвардейских царских стрельцов в ярко-красных кафтанах и с длинными луками, то теперь появились одетые в серое платье окружные стрельцы и конники: с синими повязками – Северный округ, с желтыми – Центральный. Атмосфера была тревожной, вместо разномастной толпы по несколько опустевшим улицам проходили отряды, построенные в колонны по трое.

Никита отправился на верфи. Рядом из трубы Гороховской электростанции валил густой белый дым, под громадным навесом лежали бревна для топки. Слышался шум пара,

выходящего из котла. На самой верфи стучали молотки, выли пилы, раздавался звон металла и дыхание огромной воздуховки, приводимой в движение электродвигателем. Пилы тоже уже были дисковые, электрические – еще одно из гороховских чудес, появившихся за последнее время.

На стапеле верфи стояли начатые остовы четырех одинаковых судов, реактивных речных буксиров новой серии, оснащенные собственным разгрузочным краном.

Около стапеля стоял Мокрута и что-то рассказывал рабочим.

– Ну как тут проходят дела, дядя Мокрута? – спросил Никита.

– Да как сказать... Потихоньку... Вот, еще четыре буксира строим.

– Что-то в городе стало тревожно...

– Дак война?

– С заморцами?! А что ж нам в Веси ничего не сказали!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.